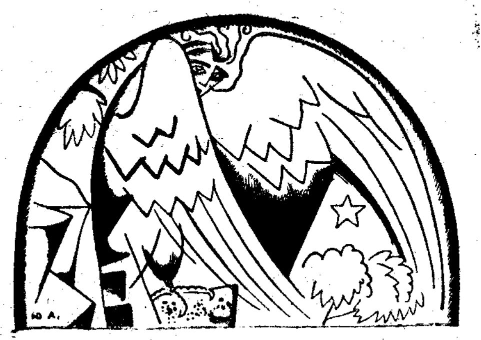

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „АЛКОНОСТЪ“

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

НА ПЕРЕВАЛѢ

I.

КРИЗИСЪ ЖИЗНИ

«АЛКОНОСТЪ»
Петербургъ
1918

16-ая Государственная тип., Звенигородская, 30.

Вмѣсто предисловія.

Предлагаемый „дневникъ" мыслей есть часть дневника, который пришлось мнѣ вести въ Швейцаріи въ 1915-омъ и 1916-омъ году; части изъ этого дневника въ свое время были мной напечатаны въ отрывкахъ; другія же части вошли въ мою книгу „Кризисъ сознанія", увы, не могущую появиться на свѣтъ по условіямъ нашего времени. Перечитывая этотъ дневникъ, убѣждаюсь невольно: не устарѣлъ онъ; охвачены тѣмъ же мы легкомысліемъ; событія, ударявшія насъ, озлобляли насъ другъ противъ друга: на себя самихъ не повернулись доселѣ мы.

„О человѣкъ, познай себя!"

Андрей Бѣлый.

Москва. 1918 года, іюль.

1.

„Гремящая тишина“!

Девятнадцатый мѣсяцъ со мною она въ мертвомъ шелестѣ городовъ, въ мертвомъ бѣгѣ часовъ; утромъ, ночью и днемъ—все гремитъ съ горизонта.

Есть особая тишина у швейцарской провинціи этого угла Базельланда, въ которомъ засѣлъ я давно; неподобна она тишинѣ русскихъ ширей, гдѣ сердце бунтуетъ, гдѣ все—необъятно, гдѣ вѣтромъ несутся пространства; и падаетъ небо на васъ самоцвѣтною звѣздочкой; все подъ нимъ отступило: все—плоско; все—ровно; глаза упираются въ переливы заката и въ кудри косматого облака; и тоска или радость, отъ которыхъ нѣтъ выхода, угоняютъ васъ прямо въ смерть.

Здѣсь, въ Базельландѣ, все—скучно; все—скученно: несуетливо, но—душно; и внятно гласящее небо здѣсь часто закрыто, и внятно свѣтящее слово

зажато въ гортани неповоротливыхъ обитателей двухъ деревушекъ, между которыми поселился я до войны; жители Арнсгейма и Дорнаха не внимаютъ давно уже голосу внятно гласящихъ орудій съ эльзасской границы.

Битвы въ Эльзасѣ обычны: какъ паденіе мѣстнаго водопадика, эти битвы сопутствуютъ вашей жизни; вы ихъ слышите: говоромъ пушекъ—оттуда, съ границы: вотъ „оно"—загремѣло: гремитъ.

И гремѣло такъ годъ назадъ; черезъ годъ—отгремитъ ли [1])?

Обыватели мѣстныхъ поселочковъ собираются посмотрѣть на фонарь, только что поставленный межъ двумя деревушками, какъ ходили когда то подъ праздникъ они любоваться съ холма на чуть видные огонечки шрапнелей—о т т у д а.

2.

Насъ обсталъ кризисъ жизни: на перевалѣ сознанія подстерегаютъ насъ кризисы жизни; приложенья понятій къ техническимъ производствамъ культуры плотнятъ нашу мысль: не живая, она превратилась въ абстракцію; матеріальное тѣло абстракцій—машина.

[1]) Съ той поры, какъ написаны эти строчки, прошло уже болѣе двухъ лѣтъ; уже около двухъ лѣтъ я въ Россіи; а вокругъ—все „гремитъ". *Прим. автора.*

Машина возстала на насъ: міръ сталъ—міръ матеріально-мащинный: и черствый, и чувственный; черствая чувственность—роковой нашъ удѣлъ.

Міръ природы—преставился: ненормальная вытяжка изъ природы его замѣнила; утерялась въ насъ „вещность", смѣняясь экстрактомъ; и нѣтъ намъ предметовъ, а есть предмет-и н ы.

Чревоугодіе матеріальной культуры—продуктъ очерствленія.

Слѣпота—тончитъ ухо, а глухота—тончитъ глазъ: неужели же для утонченія зрѣнія мы должны протыкать барабанную перепонку? Это было бъ безуміемъ. Но на безуміи этомъ построенъ ростъ знаній; богатства машиннаго міра разростаются въ мірѣ цѣной оглушенія, иль цѣной ослѣпленья; глухіе, слѣпые, нѣмые вершатъ нашу участь.

До столькаго дожили мы! До чего доживемъ, я не знаю.

Мы не видѣли удаленныхъ молній грозы; мы увидѣли зарева сожигаемыхъ зданій; разслышали—пушки; легкій говоръ сознанія и голоса сознающихъ еще—все еще!—не расшибли, на насъ глухоты; не расшибутъ они—въ будущемъ.

Голоса наростающихъ громовъ культуры—гремѣли столѣтія...

Еслибъ намъ уши!

3.

Лучшія традиціи Возрожденія мы столѣтія низводили на нѣтъ: убивали столѣтья конкретную значимость жизни; и—говоръ явленій; Возрожденіе призывало насъ явственно: полюбить всѣ явленія міра; и въ Возрожденіи по отношенью къ явленіямъ жизни художникъ съ ученымъ сливается; художникъ глядитъ на явленіе—мудро; ученый явленіе грѣетъ, ласкающимъ опытомъ.

Таковъ Леонардо: наука его красотою пронизана вся; а искусство въ немъ—мудро; любовные опыты—опыты Леонардо-да-Винчи.

Но опытъ Рожера Бэкона изъ среднихъ вѣковъ—уже пытка явленья: убійство явленья; терзанье, кромсанье его; раскромсанье предметовъ, убійство предметовъ перенесли мы въ XVI вѣкъ вопреки всѣмъ вершиннымъ традиціямъ гуманизма; часто опытъ природы былъ пыткой ея; такъ: XVI вѣкъ, зацвѣтя инквизиціей и закруглившись въ барокко (въ развратно-утонченномъ Style jesuite), перенесъ инквизиціонные пріемы терзанья, пытанья въ міръ цѣлой, цвѣтущей природы; въ опытахъ разрушались предметы для добыванія всевозможныхъ гастрическихъ лакомствъ: и вещь и реальность, какъ цѣльное нѣчто, распались отъ этого: на абстракцію (пресловутую „вещь въ себѣ") и

на трупъ отъ конкретной реальности, на феноменъ, на „вещь для насъ": на продуктъ потребленія буржуазной культуры; матеріальное тѣло культуры ее превратило въ... часть брюха: въ отложеніе жировыхъ железъ, въ субъективистическую отрыжку дѣйствительности; развитіе философіи сосредоточилось на методологической разработкѣ всевозможныхъ отрыжекъ; и пошли рости „научные" феноменализмы и скептицизмы.

Style jesuite, развитіе матеріальной культуры, номинализмъ новѣйшей формаціи философіи коренятся въ единомъ источникѣ: въ разложеніи конкретнаго міра на абстракцію и на вытяжку для гастрическихъ потребленій; но въ гастрическомъ потребленіи—еще полной реальности нѣтъ, и вкусовая отрыжка комфорта — не дѣйствительность вовсе; точно такъ же: въ теоретическихъ выводахъ спеціальныхъ отраслей знанія передъ нами не міръ, а развѣ что... проэкціонный пунктирикъ: да, понятія именно въ нашихъ точнѣйшихъ наукахъ сведены часто къ графикѣ; и объяснить, понять,—это значитъ: изобразить сѣть кривыхъ и условно исчислить ихъ; дифференцировать—еще не значитъ: учить пониманію; и чертить графы—не значитъ осмысливать.

Такъ первичная конкретность идеи о конкретномъ предметѣ подмѣняется въ насъ эмблемой,

Эмблемами мы исчислили необходимость войны; эмблематически прикинули военныя партіи всего міра размѣры добычи; проэкціоннымъ пунктириромъ изобразили ученые инженеры возможныя орудія истребленія; возникали науки объ уничтоженіи себѣ подобныхъ; не забуду я никогда: еще будучи гимназистомъ, я нашелъ на столѣ у отца два почтеннѣйшихъ кирпича, испещренныхъ внутри крючковатыми знаками интеграловъ и функцій; это было два руководства; одно называлось: „О внѣшней баллистикѣ" (о движеніи ядра внѣ пушечнаго жерла); другое же называлось: „О баллистикѣ внутренней". Двѣ почтенныхъ науки объ уничтоженіи себѣ подобныхъ блистательно развивались; и безкорыстное открытіе Лейбница (дифференціальное исчисленіе) примѣнили таки мы къ войнѣ; преподаваніе метода убивать своихъ ближнихъ разработали математики, инженеры, механики, техники культурнѣйшихъ, цивилизованныхъ странъ; сотни тысячъ убитыхъ убиты еще до рожденія: быть убитыми предначертаны.

И знай Лейбницъ, что въ лучшемъ изъ міровъ открытіе его ляжетъ въ грядущее массовымъ истребленьемъ людей, колоссальнѣйшей бойнею міра,—какъ знать: можетъ быть, свое открытіе сжегъ бы онъ.

Мы бранимъ нынче Круппа. Нашелся обще-

ственный дѣятель, соединившій съ Круппомъ... и философа Канта. Но... почему Канта именно?.. Надо брать—раньше: Лейбницъ—виновникъ теперешней бойни народовъ; или вѣрнѣе: за Лейбницемъ спрятанный, тонкій гастрономъ культуры, вооруженный наукою, какъ ножомъ, для... міроваго разбоя. Появился же этотъ разбойникъ, какъ прямое наслѣдіе отношенья къ явленіямъ жизни: въ тотъ моментъ, какъ идея въ явленіи угасаетъ, явленіе есть предметъ потребленія; но явленіе для меня — предстоящее всякое, „ты"; и оно, это „ты" потребленіе.

Вивисекціонные опыты съ жизнью—они породили ту бойню, въ которой живемъ: и не Лейбницъ, а ранѣе Лейбница появившійся Бэконъ, быть можетъ, виновникъ характера современной войны.

Разъ идея въ явленіи пропадаетъ, явленіе—предметъ потребленія; и оно начинаетъ тогда округлять намъ желудокъ; „капиталистическое" проявленіе желудочной дѣятельности разростается въ насъ; нашъ желудокъ теперь вывисаетъ изъ насъ толстымъ брюхомъ; и мы—брюхоногіе пауки, а не люди; конкретности жизни намъ—жиръ; идеалы живые—пунктиръ на бумагѣ, рисующій въ знакахъ законы... баллистики; истина есть „не сущее"; и оттого-то въ „не сущее"

принимаемся мы превращать вѣчно сущія жизни; истребляемъ и ревемъ ихъ вокругъ.

Вмѣсто сліянія съ міромъ—господствуетъ: пожираніе міра и раздробленіе міра; то есть: введеніе міра въ желудокъ для накопленія... жировыхъ отложеній. Человѣкъ XX вѣка—безмясый скелетъ, опухающій жиромъ; вмѣсто знанія и сердечнаго отношенія къ жизни у него господствуетъ два усвоенія жизни: при помощи мозга и при помощи функцій желудка; первое усвоеніе—„крапъ на ничто" (т. е. крапъ электроновъ надъ бездной); и при помощи этого „дифференціальнаго крапа" слагаетъ онъ на бумагѣ чертежики пушекъ; усвоеніе же второе—чревоугодіе; лишь оно одно доминируетъ въ немъ; малокровная мысль, превращенная въ крапъ электроновъ, становится техникой чрева, изготовляя ему искусственныя, многозубыя челюсти крѣпостей, изборожденныя пушками.

4.

Мое окошко—въ долину; цвѣтущія, бѣлокудрыя вишни весною глядятъ изъ него; вечерами восходятъ закаты; въ него свиститъ вѣтеръ—всю осень, всю зиму; надъ вершинами низкорослыхъ деревьевъ—отчетливая черепица домовъ; дальше—дали, бѣгущія въ линіи голубоватыхъ холмовъ; въ

голубоватомъ туманѣ — граница; будто бы иногда распахнется тамъ воздухъ: передъ ненастьемъ особенно; и прорѣжутся темные гребни Эльзаса.

Вотъ оттуда то и летитъ:

— „Ру-ру-рууу"...

Порой отзываются стекла оконъ; вдругъ не выдержатъ; и — расплачутся; звукъ нѣмецкой пушки я знаю: отчетливый, надоѣдливый звукъ; а вотъ это невнятное „у-у-у" — вѣроятно, французская пушка; говорятъ: изъ Мюльгаузена и изъ Бэльфора звукъ пушекъ доносится внятно до Дорнаха.

Такъ говорятъ эти пушки — дни, мѣсяцы: девятнадцатый мѣсяцъ; здѣсь, въ Швейцаріи, пушки молчатъ; но молчаніе здѣсь чревато глухимъ, нарастающимъ взрывомъ; будутъ взрывы повсюду; и изъ груди, какъ жерла, оторвавшись отъ жилъ, точно бомба, взорвется кровавое, обнаженное сердце; человѣкъ въ эти дни, точно пушка: заряженъ онъ кризисомъ.

Тема кризиса сплетена съ возрожденіемъ. Тема гибели міра связуема съ темой рожденія. Не случайны поэтому голоса, насъ зовущіе къ выси духовной: переродиться пора!

Голоса Мережковскаго, Ибсена, Штирнера, Ницше, Владиміра Соловьева звучали. Звучитъ голосъ Штейнера. Выявляя намъ нервы культуры,

гласятъ очень внятно они о паденіи великолѣпныхъ обломковъ культуры; и—о паденьѣ домовъ: домовъ стараго строя.

Дома—подъ обстрѣломъ.

И подъ обстрѣломъ, быть можетъ, вся эта тишайшая мѣстность: въ первый мѣсяцъ войны, Боже мой, что тутъ было; появились французы въ предмѣстьѣ Базеля, St. Louis; понадвинулись съ сѣвера нѣмцы; и собирались вдавить изъ Эльзаса въ Швейцарію, къ намъ, передовыя французскія части; поразвѣсили объявленія о возможности битвы подъ Базелемъ; ожидали мы съ часу на часъ здѣсь сигнала тревоги; по первому знаку сигнала должны были мы налегкѣ пробираться—туда, черезъ горы: чрезъ кряжистый Гемпенъ, висящій надъ Дорнахомъ. По дорогамъ задвигались швейцарскіе пѣхотинцы; трещалъ здѣсь и тамъ барабанъ; батареи уставились по направленью къ границѣ; въ пыли забѣлѣли султаны; и—фыркали лошади; заскрипѣли телѣги съ фуражемъ; а сумасшедшія, изступленныя кучки кричали, что надо бѣжать: нейтралитетъ будетъ попранъ. Говорилось тогда объ обстрѣлѣ домовъ; этотъ домъ—не опасенъ, а этотъ—опасно поставленъ.

Но опасно поставленъ не домъ, не окрестность, не даже кантонъ, не страна; вся культура—опасно поставлена; вся подъ обстрѣломъ она. Всѣ

кумиры культуры — въ опасности; изображенія Вотана, Доннера, Логе — падутъ; гибель старыхъ божествъ волимъ мы. Старый богъ, богъ войны (alter Gott): долженъ пасть!

Рушатся представленія о данной дѣйствительности; рушатся переживанія ея; пропадаетъ въ насъ строй ощущеній, будто *„я"* въ ней находится; пропадаютъ реальныя ощущенія *„я"*; дѣйствительность убѣжала отъ *„я"*; утекла отъ него; какъ свинцовая гиря, стремительно погружается въ глубину подсознанія *„я"*; его цѣлостность топится всекипящимъ движеніемъ міра:

Въ какія то кипящія колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

5.

Должное, реальное знаніе—въ усвоеніи предмета узнанія; а современное знаніе, сосредоточившись на методѣ, предметъ упраздняетъ; предметомъ узнанья становится методъ; и внѣ метода— хаосъ: вращеніе газовъ въ желудкѣ.

Самые органы чувствъ порасшатаны современной культурою; и пропитаны—алкоголемъ, пропитаны—никотиномъ; воспріятія органовъ чувствъ— никотинны; въ нихъ лугъ пахнетъ дымомъ; въ воспріятіяхъ нашихъ природа убита давно; пошлый

ревъ паровоза — неотъемлемая принадлежность обычнаго европейскаго пейзажа; и—линія телеграфныхъ столбовъ; а фабричная гарь—принадлежность зари; естественныхъ воспріятій въ насъ нѣтъ; и оттого-то намъ нужны абстракціи доказательствъ и самая матерія потребленія; осязаніе, грубѣйшее чувство, оно только живо въ насъ.

Такъ предметы узнанія уничтожаются нами: въ процессѣ узнанія распыляются въ головѣ электроннымъ пунктиромъ и раздробляются на зубахъ при введеніи въ „чрево". Вмѣсто конкретнаго міра поэтому выростаетъ міръ въ насъ танцующихъ математическихъ знаковъ (дифференціаловъ и функцій), роящихся, точно грязныя мухи надъ міромъ... желудочныхъ отбросовъ.

Вотъ—подлинный, неприкрашенный образъ матеріальной культуры; и вотъ результатъ: потребленія міра природы, ея раскромсанья на части; то есть разложеніе ея—нами, въ насъ, вокругъ насъ; міръ отсутствуетъ въ насъ и внѣ насъ; мы изъ міра повыпали; полетѣли надъ бездной въ... дѣйствительность, несоизмѣримую съ нѣкогда данной отъ Бога.

Дѣйствительность, намъ грозящая, прорѣзается явственно, подъ покровами умерщвленной природы; вотъ она показалась уже, пока видная намъ въ аппаратахъ, приборахъ и лупахъ, какъ міръ... инфу-

зорій; но аппараты, приборы и лупы воистину суть: наши новые органы чувствъ; мы испортили наши природные органы; кто-то намъ подарилъ міръ искусственныхъ органовъ, прилипающій къ глазамъ и ушамъ, прирастающій къ безорганно висящему малокровному мозгу, протягивающему во всѣ стороны, точно спрутъ, свои вялыя развѣтвленія нервовъ: высасывать соки природы; на обнаженные нервы, лишенные кожныхъ покрововъ, насѣли нечистыя мухи, роящіяся надъ сознаніемъ нашимъ — математическимъ знакомъ; обнаженные нервы естественно бронируемъ мы: сталью, желѣзомъ; бронированный сталью, безформенный, нервный, безжалостный спрутъ — вотъ искусственный человѣкъ, приготовившій намъ міровую войну.

6.

Міръ бактерій грозитъ въ микроскопахъ: „Вотъ я выйду изъ трубъ микроскоповъ; и разселюсь среди васъ: бактеріи заживутъ человѣками; черезъ трубу микроскопа вы свалитесь всѣ въ микроскопъ; и — заживете бактеріей".

Воистину, на землѣ мы — „какъ будто"; гдѣ ея былой ликъ? Гдѣ ея конкретная правда? Матеріальная культура — не культура земли: земля — идеальна, конкретна, природна, естественна.

7.

Люблю землю я: она—горная, кристаллически чистая масса; лишь ея поверхностный слой — унавоженный перегной; унавоженный, дурно пахнущій перегной, перепачканный всевозможными отбросами, въ представленіи большинства производителей матеріальной культуры—земля. Но земля есть огонь: огонь лавовыхъ струй; и съ навозомъ не смѣшана.

И земля,—это горы.

Вспоминаю скитанья въ горахъ; мыслишь тамъ— ни о чемъ; ни о чемъ—свисты вѣтра.

Но никчемныя мысли летаютъ огромными ритмами; мыслью рушатся горы: въ душѣ водишь *думы; идешь себѣ; ужъ не смотришь*: въ *полуза*крытыхъ глазахъ метаморфозы обставшаго пейзажа сотворяются заново: полуообразомъ, полумыслью; тамъ линія пиковъ змѣится орнаментомъ мысли, овѣянной вѣтромъ; ты—вѣтряный: въ головѣ твоей вѣтеръ; останови его; и—фиксируй: онъ тотчасъ же уплотняется силлогизмами; сознаніемъ проницаешь ты ритмъ внѣ - сознательной мысли.

Гдѣ нибудь перекусишь; и—далѣе.

Сознаніе наблюдаетъ, описываетъ проростаніе мыслей изъ красочныхъ пятенъ фантазіи; и—проростаніе въ эти пятна тебя обстающихъ громадъ;

громады поятъ тебя мыслью; онѣ—чистая, кристальная мысль, тамъ осѣвшая горной породой; и здѣсь вставшая — философемою, какъ вотъ эта долина; ты прошелъ шесть долинъ; шестерично перемѣнились рельефы; шесть системъ философіи пробѣжало вершинами: Гете, Гердеръ, Новалисъ, Шлегель, Шеллингъ и Гегель—прошли предъ тобою.

Ты видѣлъ во-очію ихъ. Твоя мысль ни о чемъ, пробужденная въ душу павшими пиками, осозналась; и—вотъ она: мысль и природа—одно.

Человѣчна и мягко гуманна природа; въ ней нѣтъ извращеній; но человѣческій взоръ озираетъ ее плотоядно; человѣкъ современности на нее воззрился, какъ кошка на птичку; птичье пѣніе—есть; но въ зажаренномъ птичьемъ мясѣ нѣтъ пѣнія въ „потребленной" природѣ идея убита; и—мертвой матеріей противостоитъ она намъ; матеріализмъ—внѣ природенъ.

Основа природы—природа идеи; и философія тождества Шеллинга провѣряема горнымъ ландшафтомъ; слушай пѣнье потока; записывай точно, что встанетъ изъ пѣнья потока въ душѣ у тебя; правда Гетевой мысли откроется явственно: „манифестація тайныхъ знаковъ" природы въ умѣніи понимать жизнь сознанія; метаморфозы идей уподобляемы метаморфозѣ растительныхъ организмовъ; метаморфоза идеи—кон-

кретна, точна, наблюдаема, описуема; и описаніе точной фантазіи мысли и есть философія.

Вотъ гуманнѣйшій лейтъ-мотивъ въ міровоззрѣніяхъ Гете, Гегеля, Шеллинга, Гердера; и—другихъ; и—вѣщая фантазія мысли (сознаніе и природа—единство въ природѣ идеи)—гуманна; корни русскаго самосознанія въ ней, въ этой мысли.

Бросать камнями въ эти мысли, не значитъ ли—откровенно итти на разрывъ съ насъ зовущей природою, эта природа—природа сознанія нашего; но подчасъ представленія о природѣ въ насъ подмѣняются представленіемъ о „трамвайной", о „матеріальной" культурѣ, въ которой природа—машина.

8.

Всякій знаетъ изъ насъ—вотъ такую невнятицу: вдругъ покажется, что въ напряженіяхъ матеріальной культуры на-двое разрывается жизнь, что машины бьютъ въ пульсы слабѣющей жизни желѣзными пульсами; схватитъ такая минута стремительно въ суетѣ городовъ; и покажется вдругъ, что вотъ онъ, фешенебельный господинъ Манекенъ съ угла уличной вывѣски рекламируетъ нѣмо толпѣ производство Гомункула; и—ростъ механической жизни покажется грознымъ наростомъ; пухнетъ опухоль городовъ — пора ампутировать опухоль: матеріальное тѣло жизни—раздуто чрезмѣрно.

Безотчетности эти переживаемъ мы всѣ; и горизонты сознанія возникаютъ предъ нами; горизонты гремятъ своимъ кризисомъ; матеріальную опухоль жизни пора ампутировать: человѣчеству угрожаетъ гангрена.

Помню день.

Все червонилось, багрянѣло; все—рдѣло птичій свистъ—уносилъ; говоры оголтѣлыхъ утесовъ гремѣли, дрожали; рыдали потоки; землевороты бѣжали подъ небо и ясногранною вереницей плотнѣли въ тѣняхъ, гребни рѣзали небо; серебрились осколки ихъ; прорѣзались покровы природы, прорѣзалась навстрѣчу природѣ—природа сознанія; и природа въ природу сознанія поглядѣла, какъ; Сфинксъ; земли не были землями: одухотворились и жили онѣ, какъ природа идеи.

9.

Матеріальная культура давно отошла отъ земли потому, что земля—идеальна; нашъ міръ—міръ искусственныхъ аппаратовъ, понятій, стремленій и похотей; этотъ міръ—не земля, а пожалуй—какая то «Х» планета, быть можетъ созвѣздія Пса, не созвѣздія Солнца... Не дѣти мы Солнца.

Солнце прежняго міра (откуда мы выпали) развѣ что бьется въ насъ; міръ идеально-конкретный, т. е., небесно-земной—развѣ что въ нашей

совѣсти, въ безпредметно поющей, ритмической Аполлоновой музыкѣ нашихъ душъ; можетъ быть — въ поэтической сказкѣ; подлинная земля—только онъ; въ немъ—остатокъ конкретности.

Мы его гнали.

Мы подзывали иную дѣйствительность; мы столѣтія сотворяли ее; мы плели себѣ горькую участь: заплетали нити судьбы; мы расплавили землю въ «н е с у щ і е», электроны и атомы; диссоціація міра въ картинѣ научныхъ понятій имѣетъ условный, техническій, вспомогательный смыслъ; мы осмыслили тотъ смыслъ: возвели его въ перлы «идейнаго» творчества; передъ нами возстала картина—разрыва дѣйствительности; распадается, разрывается человѣкъ—подъ говоромъ пушекъ.

Гуманизмъ убитъ механизмомъ; земная конкретность убита машиною; возстаніе на человѣка машины—пока что—эмблема; но въ эмблемахъ, въ предчувствіяхъ, въ прообразующихъ жестахъ встаетъ ликъ Грядущаго.

10.

Первое впечатлѣнье отъ Сфинкса:

— „Старая обезьяна, уродъ, эфіопъ“.

Послѣднее впечатлѣніе:

— „Ангелъ“.

У подножія Сфинкса бывалъ очень часто я;

тайна сліянности въ немъ Аполлона и эфіопа меня поражала всегда; эта тайна вырвала его изъ вѣковъ; этой тайною онъ притянутъ къ XX вѣку до нашей эры; и—послѣ; такъ оба XX вѣка пересѣкаются въ Сфинксѣ: а прибои культуръ пѣною разбиваются о него; онъ глядитъ — изъ подъ греческой маски; и изъ подъ рожи современнаго футуриста-художника; злободневность въ немъ разорвана въ Вѣчность; и въ немъ Вѣчность сама—злоба нашего дня; въ немъ слиты полярности пола (онъ—δΣφΙγξ; онъ—ἡ). Нѣтъ ничего злободневнѣе кучи трухляваго камня, на которой изваяна эта старая голова.

Рядъ статей одного писателя (къ сожалѣнію размѣнявшаго свой талантъ) вспоминался мнѣ въ Египтѣ: произведенія Достоевскаго въ немъ сопоставлены съ... египетской графикой, какъ плоды одинаковыхъ переживаній и бурь; если такъ это, то интимное вѣдѣніе Египта мы носимъ съ собою; его тайны—на улицѣ, гдѣ нибудь между Литейнымъ и Невскимъ, а не... въ булакскомъ музеѣ; тысячелѣтія прошлаго не внѣ насъ, а—въ насъ они, съ нами; и въ движеніи нашего пальца, въ улыбкѣ, въ манерахъ, въ цилиндрѣ, во всемъ строѣ жизни—осуществившійся синтезъ Египта, Халдеи, Ассиріи и т. д.; откровеніе ассирійскаго духа не въ кропотливѣйшемъ изученіи мало понятныхъ письменъ, а въ — газетной статьѣ, можетъ быть; эсотерика—въ

у м ѣ н і и в и д ѣ т ь: на улицѣ—улицу; въ храмѣ—храмъ; подъ злободневною рябью—океаническія глубины все тѣ же, что и подъ спудомъ мистерій; пиджаки таинственнѣй мантій; и несомнѣнно мнѣ, что та же священная тайна построила формы фараоновой шапки и каски пожарнаго; въ линіи орнаментальнаго завитка на дешевенькомъ с и т ч и к ѣ — линіи священнѣйшихъ таинственныхъ знаковъ; въ бѣгствѣ отъ „у л и ц ы" правды нѣтъ: въ умѣніи видѣть на улицѣ с ф и н к с о в ы т а й н ы — посвященіе въ мудрость XX вѣка. Собственнымъ ликомъ на васъ смотритъ Рамзесъ II, фараонъ—изъ подъ стекла, въ музеѣ среди каирскихъ кварталовъ, напоминающихъ мнѣ Парижъ, а его двойникъ, полисмэнъ, феллахъ стилизованнымъ е г и п е т с к и м ъ жестомъ поднимаетъ на улицѣ бѣлую полисменскую палочку среди автомобильнаго тока; подлинный ликъ Рамзеса — феллахскій; между Рамзесомъ и статуями Рамзеса въ Мемфисѣ—ни малѣйшаго сходства нѣтъ: впечатлѣнія эпохи Рамзеса посѣщаютъ васъ и на улицѣ; вы бываете странно выбиты—изо всѣхъ культуръ и исторій.

11.

Кто не знаетъ этого переживанія во время горныхъ подъемовъ? Вы живете въ маленькомъ городкѣ; вы охвачены его жизнью; и вы въ нее впаяны; вы

сидите въ кафе; и со всѣми вмѣстѣ склоняетесь вы надъ газетою; переживаете событія міровой войны, бродите по безконечнымъ уличкамъ, надъ которыми приподнялся далекій, все тотъ же, пейзажъ—точно фонъ декораціи; и все то же озеро плещетъ, бросая о берегъ все тѣ же лимонныя корки.

Вотъ теперь вы уходите въ горы.

Смотрите же:

— Озеро опустилось подъ ноги и медленно сжалось; разгладилась его рябь, будто скомканный листъ оловянной бумаги отполировала дѣтская ручка; и проступили: глубинные, невыразимые тоны водъ; такъ проясняются глаза человѣка въ минуту задумчивости и изливаютъ лазури, изъ извѣчнаго устремляясь въ вѣка; таетъ такъ въ современности злоба дня; изъ подъ пѣны ея наблюдаете вы: въ современности тысячелѣтія прошлаго:

И—такъ при поднятіи въ горы.

Измѣняется все: цвѣтъ воды, дома, люди, рельефы; безконечности каменныхъ домовыхъ квадратовъ и кубовъ теперь сжаты глубоко подъ вами—на четкомъ мысочкѣ; а, казалось, дальнія горы—повытянули свои главы, раздались громадно плечами и перегнулись надъ озеромъ—прямо къ вамъ: на васъ смотрятъ въ упоръ; то, ч ѣ м ъ с м о т р я т ъ онѣ,—не война, не событія городка, города, столицы, страны, континента, эпохи, періода времени;

о современности, понятой въ вашемъ смыслѣ, не можетъ быть рѣчи; и — тѣмъ не менѣе: этотъ взглядъ современенъ; и эти пространства утесовъ злободневно кипятъ множествомъ неизливныхъ ручьевъ; Ассиріи, Вавилоны, Египты кипѣли своей злободневностью; и — откипали безслѣдно; а эти летящія струи кипѣли все такъ же; и—тѣмъ же кипѣли; кипѣніе этой жизни—не мертвенно; мертвеннѣе — сидѣнье въ кафе; даже мертвеннѣе—война; все текущее остановится въ XXV столѣтіи, перенесется въ музеи (если будутъ музеи); на мыску тамъ, подъ вами, будутъ выситься, можетъ быть, пятиугольныя зданія со странными куполами; а кипѣнье потоковъ, взглядъ горныхъ громадинъ—останется тѣмъ же все; тоже—вызоветъ онъ въ душѣ, что—въ этотъ мигъ происходитъ; переживаніе Ганнибала, можетъ быть, стоявшаго здѣсь, вы узнали теперь—съ математической точностью; человѣкъ XXV вѣка, вы, Ганнибалъ и пещерный доисторическій человѣкъ, пересѣклись теперь въ одномъ пунктѣ души; и то, въ чемъ вы всѣ пересѣклись, есть вѣчное; кристаллизація культуръ, эпохъ, современностей, и довлѣющихъ дневныхъ злобъ выкристаллизовались изъ подобнаго мига; вы теперь — не надъ маленькимъ швейцарскимъ мѣстечкомъ, а надъ всѣми культурами: бывшими, грядущими, сущими; вы—у себя самого; потому что

вы—въ космосѣ: и космическая картина сознанія изъ подъ порога сознанія городского—она передъ вами; въ дневникѣ происшествій передъ вами разъялися смыслы; загласили они громовыми воплями серафимовъ; обратно: съ глубиннаго переживанія Заратустры слетаетъ покровъ: и — покрывало Изиды откинуто. Вы теперь—мощный горнъ, гдѣ потенціи всѣхъ небывшихъ и бывшихъ культуръ протекаютъ въ расплавленномъ состояніи; и— погибни исторія: изъ души человѣка, какъ изъ вулкана, поднявшися, вытекутъ всѣ культуры съ тайнами и безтайностями, всѣ кристаллизаціи истинъ, все несчетное число ихъ покрововъ; тутъ вступаете вы въ ту область, гдѣ разумѣніе законовъ и истинъ не въ нихъ, а въ самомъ законѣ законовъ, ихъ строющемъ: въ ритмѣ строенія, въ законѣ метаморфозъ переживаній, мыслей, модъ, стилей, линій; здѣсь сознаніе перелетаетъ порогъ, потому что и нѣтъ его у сознанія; порогъ сознанія сознанію не присущъ; порогъ сознанія есть всегда лишь граница, извнѣ застилающая мои кругозоры: не граница зрѣнія, а предметъ предъ глазами стоящій, какъ вотъ эта стѣна моей комнаты, улицы, застилающей зрѣнье горы; зрѣніе мое видитъ звѣзды; въ зрѣніи милліонно-верстныя дали перемогаю свободно я; въ сознаніи — тоже; надо только выйти изъ рамокъ; умѣть развивать мускулы, спо-

собные приподымать меня за порогъ передо мною положенныхъ стѣнъ, и мнѣ не присущихъ.

12.

Многіе жители городовъ не покидаютъ города вовсе; а для многихъ больныхъ представленіе о пространствѣ связано съ представленіемъ о четырехъ желтыхъ стѣнкахъ вытарчивающихъ у нихъ за окошкомъ.

По отношенію къ сознанію—то же; мы всѣ больны параличами воли сознанія; оттого то мы ему искусственно полагаемъ границу—въ пространствѣ и времени; эта граница въ пространствѣ—стѣна; и эта граница во времени — злободневность; злободневность и провинціализмъ нашей жизни изъ поколѣнія въ поколѣніе отпечатали въ насъ свои представленія о границѣ сознанія и о порогѣ сознанія; границъ сознанію нѣтъ; а пороги сознанія побѣждаемы—въ пространствѣ и времени.

Вѣдомы намъ дали звѣздъ; и—непосредственно вѣдомы; а непосредственное переживаніе тайнъ истекшихъ культуръ—звѣзды Индіи, Персіи, Египта, Халдеи—будто бы намъ невѣдомы; и будто бы: чтобъ понять нервъ исторіи надо кануть въ пыль музейныхъ архивовъ; но музейныя данныя не Египту научатъ насъ; а египетской пыли; самъ Египетъ—онъ въ насъ; кровь отъ крови его, плоть отъ плоти

его—мы: слѣдуетъ только твердо отставить сисгему фальшивыхъ пороговъ, въ которыхъ будто бы сознаніе наше заключено, какъ въ тюрьму; эти „пороги"—есть пыль злободневности: ея ненужные отбросы; въ своихъ нервахъ она—та же древность: которую будто бы она заслоняетъ, и то же грядущее, которое будто бы и вовсе невѣдомо намъ; оно невѣдомо въ своей „пыли"; и оно съ нами—въ сути: въ ритмѣ душевныя глубины обнажены намъ бываютъ порою; надо только сумѣть произвольно ихъ открывать и описывать явленія глубинной жизни сознанія; въ душѣ каждаго обнажаемъ колодезь, у котораго нѣтъ индивидуальнаго дна и который есть выходъ одновременно въ небо духа и космосовъ; какъ по тѣмъ же космическимъ принципамъ образовались планеты всѣхъ солнечныхъ системъ всѣхъ вселенныхъ—точно такъ же слагаются и слагались фазы исторіи; и законъ фазъ во мнѣ; улови его—исторія встанетъ передо мной разоблаченной въ ея объясняющемъ стержнѣ; а пониманіе многообразій мелодій ея—только чтеніе нотъ; суть не въ нотахъ, а въ принципѣ нотнаго чтенія; и умѣніе чтенія знаковъ событій, искусствъ, стилей, модъ, философій, религій и душевныхъ движеній—въ умѣніи опускаться въ себя, открывая горы и пропасти; кажущееся противорѣчіе между жизнью въ себѣ и въ другихъ устраняетъ первый

опытъ вниманія къ своимъ собственнымъ душевнымъ движеніямъ; кажущаяся ихъ хаотичность, невнятность, безстроица; т. е. все то, что любители звучныхъ словъ именуютъ „сублиминальнымъ полемъ“ сознанія—на сознаніи насѣвшая пыль: принимаясь за чистку пыли вы пыль поднимаете; но именно поднятіе пыли, есть условіе очищенья отъ пыли; при внимательномъ взглядѣ внутрь исчезаетъ весь хаосъ; окружающее отражено вами и чище и четче; въ умѣніи отражать—умѣніе понимать; душа — зеркало міра; замутнено оно — міра нѣтъ.

13.

Злободневность летитъ передъ нами на своихъ острѣйшихъ углахъ; бытъ и вкусы кричаще ломаются на протяженіи трехъ-четырехъ поколѣній; такъ въ малыхъ масштабахъ линія исторической жизни рисуетъ контрасты намъ; а въ огромныхъ масштабахъ господствуетъ законъ сходствъ; многообразіе изломовъ исторіи въ ея мысляхъ, вкусахъ, костюмахъ, архитектоникѣ стилей, быта, привычекъ—образуетъ легкую рябь по отношенію къ основной неизмѣняемой прямой линіи времени; на извѣстной стадіи восхожденія стирается эта рябь: и отражается въ зеркалѣ жизни душа человѣка; жестъ куафера и жесты Фридриха Ницше рази-

тельно противорѣчатъ другъ другу, пока вы въ злободневности, вѣрнѣй въ ея отбросахъ; но погружаясь въ себя или только чаще карабкаясь въ горы; вы начинаете понимать оба жеста, какъ модуляціи единаго душевнаго жеста; вся безстроица мимикъ теперь—метаморфоза немногихъ нотъ мимики, вѣдомыхъ вамъ изнутри и глядящихъ извнѣ на васъ: улыбкою египетскихъ статуй, улыбкой Джіоконды и..., можетъ быть, вами видѣнной булочницы; понимаете вы: что душа древней критянки не такъ то закрыта отъ васъ, разъ XVIII вѣкъ, столь вамъ близкій, повторяетъ предъ вами древнѣйшія критскія моды, какъ гласятъ намъ раскопки.

Возвращаяся съ горъ, только чутче уловите вы все горное въ долинной деревнѣ; возвращаяся изъ себя въ злободневность, вы увидите—вѣчность въ ней.

14.

Ницше, модница, міровая война, дневники происшествій, раскопки на Критѣ, священныя письмена и текущій судебный процессъ—злобы дня Вѣчности, потому что вѣчное—злободневно; умѣніе переносить тысячелѣтья, въ мгновенья, умѣніе переживать мгновенное въ вѣчномъ — злободневнѣйшій нервъ злобы дня, потому что Сфинксъ исторіи стоитъ передъ нами, Эдипами, и предлагаетъ намъ

свои загадки и тайны: злободневными темами и злободневнѣйшій отвѣтъ злобы дня—есть нашъ отвѣтъ Сфинксу.

Нашъ отвѣтъ есть судьба.

15.

Человѣку пора призадуматься надъ судьбой человѣка; и—европеецъ задумался; человѣку пора апеллировать къ смыслу жизни, который въ насъ вписанъ. Какъ бы въ трупъ убитаго, конкретнаго міра не вошелъ духъ иного, недолжнаго міра, противнаго нашей совѣсти?

Нужно твердо нащупать въ насъ человѣчество; напримѣръ: не ангельство, не машинность; въ настоящее время испугъ предъ машиною вызываетъ въ иныхъ обращеніе къ религіознымъ истокамъ; но возвращеніе къ Богу у многихъ носитъ машинный характеръ: многіе защищаются Богомъ, противополагая его звѣриному лику природы, противополагая божественность самому человѣчеству; и обращеніе къ Богу носитъ характеръ возвращенія вспять.

Мы должны вернуться къ истокамъ великаго Гуманизма: Возрожденіе, традиціи Возрожденія, его широкій, вполнѣ гуманный размахъ — вотъ что нужно усвоить намъ. Схоластическимъ преніемъ съ бездушной машиною и преданіемъ всей культуры

костру инквизиціи мы ускоримъ лишь нашъ печальный конецъ; отдавая свободное, автономное лицо человѣка машинѣ въ исканіяхъ новаго „Ангельства“, мы приблизимъ машину къ себѣ; возвращеніе къ средневѣковымъ суевѣріямъ обернетъ міръ машинъ намъ въ бѣсовскую рать; возвратъ суевѣрій вернетъ навожденія; и аппаратъ— будетъ намъ: Господинъ Аппаратъ; Господинъ Аппаратъ будетъ новымъ Hircus Nocturnus'омъ на шабашахъ человѣчества. Въ образахъ и подобіяхъ механической жизни напечатлѣлые мраки среднихъ вѣковъ; механическая культура тѣсно связана съ темными сторонами схоластики; схоластика возродилась въ методикѣ, въ методологіи логики; но она пустила болѣе глубокіе корни. Къ схоластикѣ проведенья понятія по методической шкалѣ присоединилась схоластика проведенія нашей жизни по машинному ряду.

Средневѣковые вкусы новѣйшаго модерниста— естественный дополнительный цвѣтъ къ... механическому міровоззрѣнію современности; отъ Рожера Бэкона—къ Лойолѣ; и отъ Лойолы—къ фабричной машинѣ: вотъ путь нашей жизни. Соединеніе исповѣдальни Лойолы съ фабричной конторой— сюрпризъ, ожидающій насъ.

Кризисы матеріальной жизни — колебаніе ея идейно - конкретной подпочвы; идеологія—резуль-

татъ конкретнаго творчества; идеологія матеріальной культуры, разлитая въ мірѣ,—подлинная причина войны; а война,—выраженіе внутренно скрытой болѣзни, глодавшей вселенную: нѣчто въ родѣ лихорадочной сыпи, проступившей изъ крови—на кожѣ; тутъ втираніемъ мази ничѣмъ не поможешь; измѣненіе крови — вотъ корень лѣченія; онъ—въ перемѣнѣ ритма пульсацій.

Наше сердце пульсируетъ метрами многогромныхъ колесъ и метрами дребезжащихъ трамваевъ. Пусть же оно запульсируетъ метрами пѣсенъ, пусть онъ осаждается бытомъ: анемія сознанія перестанетъ изламывать жизнь; механика пресуществится въ органику; въ противленіи человѣческой совѣсти механизму—трагедіи сознаванія; и въ ней—кризисъ; внѣшнія выраженья его—междуусобія, войны, болѣзни, убійства; и, наконецъ,—помѣшательство.

Механическое прекращеніе насъ обставшаго кризиса будетъ безплоднымъ втираніемъ мазей—лѣченіемъ прокаженной кожи культуры вмѣсто лѣченія заболѣвшаго сердца.

Грохоты горизонтовъ сознанія не прекратятся: они—это—мы; міровая война—alter ego.

16.

Вотъ сейчасъ я пишу, а „громъ“—непрерывенъ: глухой говоръ поднимется; глухой говоръ потомъ

упадетъ; а сегодня—многіе говоры, перебѣгая другъ въ другѣ, сливаются въ басовую, глухую и тяготящую дрожь:

— Уу-у-ууу...

Такъ гремѣло всю зиму, всю осень, все лѣто, всю весну, всю прошлую зиму, всю прошлую осень и валились прохожіе между грудами черепитчатыхъ домиковъ; и валились изъ оконъ, изъ груды перинъ, и—уставляясь въ закатъ... съ выраженіемъ, точно изъ нихъ выпирало сплошное, тупое, больное, „оно"—огромное, неживое какое-то.

Ты подвигъ свой свершила прежде тѣла—
Безумная душа...
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а о н о
Б е з с м ы с л е н н о г л я д и т ъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безслѣдно вечеръ канетъ,—
Вѣнецъ пустого дня... —

— говоритъ Баратынскій,— и вотъ „о н о", это тѣло, говоромъ пушекъ утомленной души глядитъ „о н о"... въ листики мѣстной газетки, оповѣщающей міръ о постановкѣ новаго фонаря между Дорнахомъ и Арлесгеймомъ; и—о битвахъ въ Европѣ.

Глядя на жизнь, распростертую передо мной въ тихихъ селахъ, мнѣ кажется, что дѣйствитель-

ность рухнула, какъ дебелое тѣло швейцарца, въ перины: разсыпалась въ атомахъ; пляска атомовъ соннаго тѣла не жизнь; это — казнь; это — месть за изъятіе міра изъ мысли; міръ, изъятый изъ мысли, ни—міръ и ни мысль; онъ—не онъ, не она, а какое-то неживое „о н о“, безучастно вперенное въ насъ и свершившее подвигъ свой; такой взглядъ— тихій взглядъ помѣшательства.

Не странно ли: до-военная суматоха напоминала сплошной „тихій часъ“; обыкновенные грохоты жизни какъ будто теряли свой голосъ: и настала она—тишина; иль вѣрнѣе—„о н о“,—то „оно“, что уже девятнадцатый мѣсяцъ томитъ меня здѣсь, въ Базельландѣ.

17.

Тишина русскихъ ширей—прозрачная, ясная, внятная, окрыленная въ грусти своей: тишина ожиданія.

Въ моемъ тихомъ углу безстремительно все; каменно тишина припадаетъ: поникаете вы у себя на дому; поникаете въ ожесточенно рыдающемъ вѣтрѣ; поникаете въ лѣтнемъ безвѣтріи; и всѣ— точно валятся на дорогахъ межъ грудами черепитчатыхъ домиковъ, другъ другу подобныхъ; валятся и молчатъ: тяжело говорятъ, тяжело глядятъ исподлобья; и—тяжело поступаютъ.

Тишина Базельланда—„оно“; про „оно“ поютъ пѣтухи; и отбиваетъ отчетливый колоколъ—все про то, про одно: про „оно“; и „оно“ здѣсь во всѣхъ; и „оно“ здѣсь во всемъ; и всѣ—въ „немъ“.

По ночамъ „оно“ почиваетъ въ перинахъ, не слушая, какъ тихо дзынкнетъ окошко, когда... громыхнетъ съ горизонта.

Отяжелѣвшій, безсмысленный, неосмысленный міръ!

— И тяжелая мысль, потерявшая смыслъ!

18.

Ни одного событія!

Все—мертво; все—спокойно; издали лишь военный оркестръ вечерами наигрываетъ граціозныя вечернія зори: прекратилась стремительность суетливыхъ движеній военныхъ отрядовъ; изрѣдка, загорѣлая кучка солдатъ пробушуетъ на улицахъ деревушки; и—пропоется тутъ пѣсня; разговоры о томъ, что, молъ, выстрѣлъ—убитыя жизни,—разговоровъ такихъ теперь нѣтъ (попривыкли мы къ „говору“ пушекъ); говорится—о керосинѣ, объ углѣ о сахарѣ: подорожали продукты; подорожаютъ еще: то ли будетъ!

— „Ру-рууу“ громыхнетъ съ горизонта.

Тянутся сонливые дни; и проходятъ безсонныя ночи; никогда еще мечъ сомнѣнія не разсѣкалъ

наши души такою огромною болью; никогда еще раздѣленіе не сѣкло насъ этой сѣкущею силою; кризисъ сознанія пересѣкается съ кризисомъ жизни; были же голоса—отчего ихъ не слушали?

Я въ туманную ночь открываю окно; изъ туманной ночи вылетаютъ снопы: свѣтовое пятно загорится на тучахъ; разбѣгается, угомониться не хочетъ: сигналы.

Затворяю окно: продолжаю писать.

19.

Связь вещей—въ моемъ «Я»; эта связь есть сознаніе; «знанія»—члены связи—неизмѣняемы: измѣняема комбинація ихъ; она—въ ритмѣ; ритмъ знаній—сознаніе; въ модуляціяхъ протекаетъ оно, оплодотворяя намъ знанія; въ оплодотвореніяхъ творчески раскрывается наше «Я»; всѣ понятія знаній разсудочны; внѣ ихъ вяжущей связи они рубятъ дѣйствительность на безсвязно-текущія части; въ переложеніяхъ и сочетаніяхъ, во взаимномъ ихъ контрапунктѣ—въ сознаніи—окрыляется разумъ; въ сознаніи—цѣльность «Я»; оно—знаніе собственно; оно—родитъ свои формы; въ оформленіи, въ «с т а в ш е м ъ» нѣтъ жизни; въ с т а н о в л е н і и строится с т а в ш е е; въ ритмѣ строится форма; въ сознаніи—знанія; сознаніе—центръ текущаго организма вселенной; внѣ его организмъ этотъ—трупъ.

Изъ зерна бѣжитъ стебель; изъ стебля наливается колосъ, а въ колосѣ—зерна; и—такъ далѣе, далѣе; прежде и послѣ—отсутствуютъ; отношеніе сознанія къ міру и міра къ сознанію—отношенія колоса и зерна; ихъ раздѣльность—абстракція; мысли міра и мыслимый міръ суть единство въ сознаніи; задрожи оно—рухнетъ міръ.

Съ нами кризисъ сознанія; и—стало быть: кризисъ міра; земля—въ знаменьяхъ; стало быть: будутъ знаменья въ небѣ; твердь земли и небесъ—она дрогнула въ насъ; сознаніе наше мутится: диссоціація матеріи налицо; о ней кричитъ физика; и—диссоціацію духа являютъ намъ наши вкусы—въ искусствѣ и въ жизни; футуризмы, кубизмы намъ убиваютъ искусства; вырожденіе, кретинизмъ убиваютъ намъ нашу жизнь.

И пора намъ спросить со всею отвѣтственной строгостью: что есть знаніе? Чѣмъ должно оно быть? И—каково оно въ «знаніяхъ»?

20.

Знаніе — бракъ «Я» и міра; «и позналъ жену»... говорится намъ въ Библіи; знаніе—въ сліяніи съ узнаваемымъ.

Знаніе цвѣтка обнимаетъ знаніе его функцій, тычинокъ, и имя, произнесенное на звучной латыни; кромѣ того: предполагаетъ умѣніе пережи-

вать себя въ немъ; полевую лилію знать—значитъ стать: полевою лиліей въ полѣ; видѣть солнце, какъ лилія; узнать лилію въ спиртовомъ препаратѣ, это значитъ—притти къ убѣжденію, что она—пахнетъ спиртомъ.

Всякое абстрактное знаніе насъ ведетъ къ суррогату: къ лиліи... на бумагѣ, къ рисунку и къ схемѣ; такой лиліи—нѣтъ; ее надо доказывать.

Доказательства Божьяго бытія—суррогатъ жизни въ Богѣ; умеръ Богъ въ сердцѣ нашемъ: и мы начинаемъ—вести разговоры о Богѣ.

Пусть на полюсѣ пальма—мечта: она есть въ жаркихъ странахъ; полюсъ вѣдаетъ ледъ; для него все иное—фантазіи; но вѣра въ фантазію, въ пальму, покоится на возможности наблюденія пальмы въ Египтѣ; отношенія знаній и вѣръ—отношенія египтянъ къ эскимосамъ; на экваторѣ снѣгъ миѳиченъ; грозовая туча—миѳъ полюса; предметъ знаній и вѣръ перемѣнчивъ; географія сознанія нашего—она неизмѣнна.

И абстрактна граница межъ вѣрой и знаніемъ; невозможны безъ опыта ни та, ни другое; вѣра въ знаніи—есть; и есть знаніе вѣры: дѣла вѣры въ опытахъ; мертва вѣра безъ дѣлъ, мертво знаніе безъ опыта.

Принципъ нуженъ для опыта; внѣ его онъ—

абстрактенъ; знанiе безъ вѣры абстрактно; и вѣра безъ знанiя—сказка.

Разсудочно разсѣченiе жизни абстракцiей принципа; дѣйствительность раскрошена ею въ формахъ; матерiализмъ есть абстрактное крошево трупа мiра на мельчайшiя части; спиритуализмъ вылагаетъ принципъ изъ жизни: и уплотняетъ его— въ неподвижностяхъ догмата; и—каркасъ духа— догматъ—безъ плоти и духа: таковой каркасъ— пустъ; догматическiй спиритуализмъ—вытравленiе плода жизни изъ жизни; матерiализмъ убиванiе самой жизни; раздѣленныя вѣра и знанiе, намъ грозятъ оскопленiемъ и разложенiемъ жизни; раздѣленныя, вѣра и знанiе намъ гласятъ, что духовное знанiе невозможно: непостиженъ де духъ, бездуховно де *знанiе; и, молясь неизвѣстности,* мы живемъ въ мертвечинѣ; остаются намъ знанiя невѣрны; остаются намъ вѣры незнаемы.

Мы хотимъ умныхъ вѣръ, волимъ вѣрное знанiе.

21.

Доказуемость бытiя—стала намъ бытiемъ.

Бытiе распластано передъ нами многообразiемъ научныхъ провинцiй и континентами методовъ: бытiе стало логикой; и мы пригнаны къ полюсу, гдѣ торжественно мы стоимъ, облеченные въ ледяной футляръ логической формы. Человѣкъ шелъ и...

сталъ: человѣкомъ въ футлярѣ; зажилъ онъ въ отложеніяхъ: въ формахъ, въ футлярахъ, въ каркасахъ; внѣ насъ—твердые, матеріальные льды: въ насъ же—мертвые формальные догматы; такъ мы зажили—въ трупахъ трупы: сколько прожили такъ мы, не знаю; но мы сдвинулись съ мѣста, мы двинулись... къ пушкамъ: коросты оказались на насъ разбиваемыми только пушкой; но съ коростомъ отбиваема наша жизнь; коросты мы сдираемъ съ души вмѣстѣ съ костями и мускулами; разорвалось сознаніе наше: разрываются вмѣстѣ съ нимъ нащи души, тѣла; распадается вмѣстѣ съ нами, старѣетъ, планета; передвинулись зимы, осени, весны; и—тусклы закаты; землетрясеніе бѣжитъ подъ землей на своихъ гремящихъ толчкахъ; аритміи чугуннаго грохота раскатались отъ моря до моря.

Вотъ что сдѣлали паразиты — абстракціи — въ мірахъ жизни нашей; благополучно мы сидѣли въ уютныхъ квадратахъ и—квадратами думали, созерцая кубы домовъ угасающимъ зрѣніемъ крыловской мартышки и обложившись десяткомъ очковъ, въ которыя мы воистину не смотрѣли и которыя... нюхали...

22.

Полное знанье въ сліяніи міра и мысли, т. е. въ связи предметовъ и знаній: въ сознаніи нашемъ; перестали мы мыслить міромъ; и міръ пе-

ресталъ нами мыслить; многообразіе діалектическихъ сочетаній, все творчество мысли—безсильно распалось на мертвыя методы и фанатически заострилося въ догматахъ; легконогая діалектика, танецъ догматовъ, обернулась въ мозгу у насъ суетливо-мышиной грызнею: переживаніемъ неврастеника; такъ червивыми ходами источили намъ мозгъ мысли наши.

Между тѣмъ, діалектика есть произростаніе изъ зерна вѣтромъ зыблемыхъ колосьевъ изъ мысли и созрѣваніе въ колосѣ новыхъ зеренъ—творимыхъ дѣйствительностей; изсякновенія смысла жизни въ ней нѣтъ; въ ней кипѣніе, превращеніе, наростаніе, размноженіе, творчества: въ смыслѣ смысловъ; смыслъ—многовѣтвистое дерево; но абстракція его—палка; да, мы древо познанія обернули разсудочной, принципіальною палкою; гармоническій шелестъ кроны замолкъ; раздавались и падали вокругъ насъ—палочные удары тенденцій; и гармонія сферъ разрѣшалась надолго для насъ въ барабанные трески пустѣйшей словесности.

23.

Что такое рука? Это знаетъ лишь тотъ, кто владѣетъ рукою; знаетъ онъ, что рука—его органъ душевнаго выраженія; и вовсе она не „конечность", какъ гласятъ анатоміи; изученіе сокращенія му-

скула съ очень громкимъ латинскимъ названьемъ къ знанію руки не приводитъ; изученіе это совершается главнымъ образомъ лишь на трупѣ; трупъ руки—не рука; рука—въ жестахъ, а въ трупѣ нѣтъ жеста; въ немъ есть содроганіе, производимое при помощи электричества; анатомія и физіологія рукъ въ лучшемъ случаѣ научаетъ насъ механической дрожи; и дѣйствительность этого знанія—кинематографъ; знаніе руки—жестъ Айседоры Дунканъ; и мнѣ этого жеста не дастъ изученіе трупа; я его увижу въ движеніи пальца Крестителя у Леонардо-да-Винчи; Леонардо-да-Винчи и Денканъ—они руку знали; естествоиспытатели рукъ не знаютъ: они знаютъ...—„конечности“, принадлежащія не человѣку, а той же крыловской мартышкѣ; по образу и подобію ея мы построили нашу жизнь.

Слишкомъ много есть трупнаго въ нашемъ знаніи жизни; красота передернулась въ ней потрясающимъ „мартышкинскимъ“ выраженьемъ, напоминающимъ... агонію и судорогу подъ вивесекціонномъ скальпелемъ метода; хирургическіе ножи—обагрили намъ жизнь. Методы хороши у стола оператора, но не въ жизни; ни даже... въ брани; помните, у Толстого: „Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert“. Методика, догматизмъ намъ присущи скорѣй: мы больны методизмомъ и да, мы абстрактны; оттого то духов-

ныя блага, живущія въ насъ, въ насъ порою изсушены нами же; отвлеченность нашъ врагъ; вѣра въ методику—наше хамство предъ нѣмцами; вѣдь и методъ живетъ въ модуляціяхъ метода; если методъ повѣсить на стѣнку, онъ—мертвъ; вѣра въ методъ насъ давитъ; наоборотъ: модуляція методовъ, принциповъ, догматовъ—разбиваетъ на методѣ методическій коростъ; такой методъ есть ритмъ, есть пульсація живой жизни; самый методъ есть тѣнь ритма жизни; мы по тѣни должны отгадать ея подлинный ликъ; мы же тянемся къ тѣни, а всякая тѣнь—опрокинута; и проклятіе нашего представленья объ истинахъ знаній—есть *жизнь въ опрокинутыхъ истинахъ, въ истинахъ* „вверхъ ногами"; Истина „вверхъ ногами" гласитъ, что она де—абстракція; участь наша есть участь Пилата: теоретически истину вопрошать, что есть истина; Истина не отвѣчала Пилату: истины не призваны отвѣчать на вопросы объ истинѣ; истины предстаютъ, чтобы ихъ видѣли; за истиной слѣдуютъ безъ вопросовъ.

24.

Жизнь течетъ въ быстрыхъ жестахъ; молніеносны вопросы; молніеносны отвѣты; знаніе цѣльное—жестикуляція и ритмическій даръ; знаніе—импровизація среди случайностей жизни; даръ—въ

единствѣ сознанія, въ вѣрной связи конгломератовъ узнаній; эти узнанія—ноты; умѣніе слагать пѣсни изъ нотъ—въ этомъ корень сознанія.

Методически можно, конечно, исчислить и грацію эстраднаго танца въ механическихъ формулахъ; исчисленіе будетъ длиться года; можно мгновенно дать грацію въ танцѣ; цѣльное знаніе есть мгновенный подарокъ; въ немъ отвѣты на мимику возстающихъ вопросовъ; теоретическій отвѣтъ отстаетъ; или онъ пустая абстракція ограниченнаго „принциписта"; принципіальныхъ и полныхъ отвѣтовъ на кризисъ сознанія ждать намъ некогда (мы прождемъ ихъ столѣтія); и остается отвѣтить мимикой и ритмами дѣйствій—по дару.

Событія жизни взываютъ къ мгновеннымъ отвѣтамъ, не къ отвлеченному знанію, а къ сознанію нашему; въ умѣніи разговаривать съ фактомъ—оно; и оно въ умѣніи называть имя факта; нѣтъ его въ арсеналахъ знаніи въ ковычкахъ, въ дровяномъ складѣ догматовъ, въ археологическомъ музеѣ культуръ, гдѣ собраны части когда-то конкретной дѣйствительности; нынѣ бревнами „принциповъ" не разрушить темницу сознанія нашего; нынѣ „принципы"—ритмы духа: и онъ дышетъ, гдѣ хочетъ—къ огорченію методолога; методологія—пораженый миной дредноутъ; переборки его закроютъ пробоины; некогда намъ „принципіально"

трудиться: опускать переборки и обстругивать догматы. Намъ событія обнаружили ясно: мы жили на полюсѣ, гдѣ забыли мы грозы; громовые удары на полюсѣ—миѳы.

Нѣтъ, единственный выходъ сознанію нашему: принять правду грозы; сбросить вѣру безъ знанія; искать вѣры своей, познаваемой точно; искать вѣрнаго знанія. А пока мы будемъ сѣдлать отжитые вѣры и догматы, мы останемся съ арсеналами непререкаемыхъ теоретическихъ положеній безъ... твердаго положенія въ мірѣ; такъ способны мы выѣхать, точно дѣти на палочкѣ, изъ тропической разрѣшающей атмосферу грозы; такъ способны вторично мы выѣхать въ пространствѣ полярныхъ абстракцій, чтобы тамъ съ самоѣдами утвердить былой догматъ: Богъ, гроза и цвѣтокъ—только миѳъ египтянина.

Помнимъ: догматъ — дредноутъ; дѣйствительность—подводная лодка; мина—фактъ: незабываемый фактъ.

Ахъ, побольше бы мимики, ритма, жизни, свободы движеній и мысли, конкретности, правды: меньше, меньше очковъ; что въ нихъ проку? вѣдь мы ихъ не носимъ... почтительно нюхаемъ, уподобляясь крыловской мартышкѣ; мы глядимъ на очки, не сквозь нихъ; такъ не видимъ мы фактовъ въ многообразіи фактовъ и въ неожиданномъ

опытѣ—кризисъ сознанія наступаетъ; бьютъ часы... время—дѣйствій.

25.

Помню, какъ оживленно здѣсь обсуждалися телеграммы, какъ спорили; раздавались задорные голоса, взрывы смѣха въ разгаръ шумныхъ споровъ; спорили добродушно: въ войну намъ не вѣрилось.

И вотъ—она грянула.

Это было подъ-вечеръ: закатъ былъ багряный; пророзовѣли верхушки Эльзаса (кто могъ думать тогда, что оттуда покатятся къ намъ гремящіе звуки?); помню—вѣсть: міровая война разразилась; руки старенькихъ поселянокъ протягивались къ чуть бѣлѣющей грядѣ горъ, подымающейся за Рейномъ, изъ Бадена; тамъ оттуда-де—пушки: все въ пушкахъ!

Прошло десять мѣсяцевъ: все водворилось на мѣсто; еще изрѣдка трещалъ барабанъ; сытыя, лѣнивыя головы повылѣзали, какъ прежде, изъ оконъ; и—изъ-за груды перинъ, переговариваясь съ такими же, какъ они, головами, глядящими изъ окошекъ; а — „громыхало“ все громче, все громче, съ бѣлесоватыхъ холмовъ — тамъ за Рейномъ!—изъ Бадена, гдѣ все пушки: глядѣли, казалось, на насъ.

Пѣли мирные пѣтухи; колокола звонили, къ полуночи; съ десяти часовъ вечера—ни души, ни огня!

Не думаю, что провидятъ односельчане мою космическую сверхъ-размѣрность войны; даже... кризисъ сознанія, не переплетаемый вовсе ни въ бѣлую, ни въ оранжевую, ни въ голубую, ни въ красную книгу: переплетчику войны не отдашь; семи красками спектра ее не окрасишь; не разъяснишь ея ни порывами благороднѣйшихъ, или даже негоднѣйшихъ чувствъ; въ классовое сознаніе тоже не втиснешь.

Даже базельцы не повѣрили: ни одному переплету войны; предпочитаютъ ее не понять, чѣмъ понять однобоко; въ этомъ есть своя правда; въ этой правдѣ своей они ходятъ давно; и — молчатъ, посасывая короткія трубочки.

Всѣ увидѣли мы, что изъ бури свинцоваго грохота не рука человѣка грозится рукѣ человѣка; и—поднимаетъ тотъ грохотъ.

26.

Но ко всему привыкаешь...

И мы совершаемъ поѣздки — изъ подъ базельской деревушки: послушать Бетховена; но и надъ Базелемъ она—гремящая тишина.

Она — вошла въ воспріятіе... ну, какъ пѣніе комаровъ, визги ласточекъ, визгъ далекихъ трам-

ваевъ, или—шумъ водопадика; и умолкъ онъ, тутъ то вы и замѣтите, что онъ—былъ; и когда гремящая тишина неожиданно станетъ безгромной, то обитатели Дорнаха говорятъ:

— „Слушайте: перестали стрѣлять!“

Вотъ закаты здѣсь хороши: лиловобагряныя тучи несутся—клочкастыя, быстрыя: по блѣдно-зеленому небу; и оно—все горитъ: рдѣетъ кровью, можетъ быть пролитою вотъ только что, — въ пятнадцати километрахъ отъ насъ; въ этой гаснущей рьяности—блистательный треугольникъ изъ двухъ немигающихъ звѣздъ и юно—хрупкой полоски серпа полумѣсяца; огромныя двѣ звѣзды соединились такъ близко; Юпитеръ съ Венерой—съ любовiю мудрость, и надъ Эльзасомъ стоитъ: соединенiе въ небѣ; но на землѣ—раздѣленiе.

Мертвая данность распалась; и ужъ земля—не земля: распадается наша земля; человѣчество отравилось субстанцiей кометныхъ хвостовъ; головныя абстракцiи привлекаютъ на головы наши комету.

27.

Тихими вечерами блуждаю по мирнымъ долинамъ и вспоминаю: далекихъ знакомыхъ; помнится одинъ вечеръ—съ той поры прошелъ скоро годъ; на стеклянѣющемъ небѣ поднялся какой то предметъ; и, розовѣя, повисъ въ неподвижности; я на

него засмотрѣлся; онъ же—сталъ розовымъ облачкомъ; нѣжное, оно вскорѣ истаяло: а предмета ужъ не было; но разсказали газеты, чѣмъ былъ тотъ „предметъ“; тамъ шелъ бой — столкновенiе цеппелина съ аэропланами, кажется; кажется тамъ кого то кто то расшибъ (мы не слышали выстрѣловъ); но я видѣлъ: на стеклянѣющемъ розовомъ небѣ поднялся предметъ; и сталъ послѣ — облачкомъ; облачко порастаяло; а куда дѣвался предметъ?

Это было уже — скоро годъ; но все такъ же „гремитъ“ съ горизонта.

Изъ-за перины „оно“, сонливо глядящее тѣло, съ острiя всей культуры—все такъ же, все тоже—уткнулось въ окошкѣ глазами въ газетку; и — вѣроятно читаетъ: о починкѣ поставленныхъ фонарей *межъ двумя деревушками.*

28.

Слушаю глухой говоръ орудiй съ эльзасской границы; и почему то мнѣ кажется: глухой говоръ знакомъ. Въ глубинѣ деревенскихъ полей подымался онъ нѣкогда; перепелиные крики стояли: изъ-за ржи, въ василькахъ,—кто-то все подъѣзжалъ; явственно громыхала телѣга—далеко, безсмѣнно: по вечерамъ на зорѣ. Бородатый лѣсничiй, мой другъ, на приступочкѣ бѣлаго домика исподлобья, бывало, посмотритъ; и—спроситъ, бывало:

— „Вѣдь... ѣдетъ?.. Вѣдь... ѣдетъ же?“

Перепелиные крики стояли; и—ѣ х а л о, не доѣзжая,— тамъ, изъ-за ржи: въ василькахъ; гремѣла — телѣга ли, пушка ли? Это было подъ Луцкомъ, въ 1911-омъ году.

П о д ъ ѣ х а л о: кажется, бѣлый домикъ разрушенъ уже —орудійнымъ говоромъ.

Глухой говоръ гремѣлъ надъ ночною Москвой— тому назадъ десять лѣтъ, надъ апельсинникомъ италійской долины; и—въ ковыляхъ русской степи; я ждалъ, что онъ грянетъ.

Онъ—грянулъ уже.

Дни—текутъ... Времена накопляются... Приближаются поступи сроковъ... и—исполняются сроки...

Но развѣ не помните вы? Про 913-ый годъ говорилось такъ много въ крестьянствѣ: на годъ просчитало крестьянство; слышало и оно—глухой говоръ событій, какъ его разслышалъ поэтъ:

Опять надъ полемъ Куликовымъ
Взошла и расточилась мгла,
И словно облакомъ суровымъ
Грядущій день заволокла.
За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой,—
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.
Но узнаю тебя, начало
Суровыхъ и мятежныхъ дней...

А. Блокъ.

Не надъ Россіей гремѣло: гремѣло въ Европѣ, гремѣло надъ міромъ; гремитъ и доселѣ—за громами пушекъ: грядущіе громы...

Слушаю глухой говоръ орудій съ эльзасской границы; неудивляюсь ему; уѣзжаю въ Базель гулять и подолгу стою надъ зелеными струями Рейна: надъ струями—чайки.

Каждый знаетъ минуты невнятицы: я люблю подслушивать глухонѣмую невнятицу—полудремъ, полумыслей: надо и ихъ выговаривать членораздѣльно и внятно.

Парки бабье лепетанье,
Жизни мышья бѣготня...
Я понять тебя хочу—
Темный твой языкъ учу.

Пушкинъ.

29.

Удаленье отъ точнаго смысла въ детали изъ предварительныхъ изысканій построило намъ лабиринты, въ которыхъ запутались мы; средства стали намъ цѣлью, когда эти средства мы сдѣлали средствами техники; и при помощи техники строили храмъ изъ машинъ; появились философы, обосновавшіе эту подмѣну; машина намъ стала воистину: „объясненьемъ въ себѣ"; цѣль ея—въ средствахъ; и средства въ ней—цѣли; хитрое понятіе „цѣле-причинности" изготовилъ намъ Вундтъ;

сто ловкое идейное шулерство въ свое время подобострастно глотали мы; и старались свой мозгъ приспособить къ „цѣлепричинной“ дѣйствительности; „цѣлепричинная“ жизнь привела насъ къ борьбѣ: развѣ нынѣшняя нѣмецкая поговорка „Not hat Keit Gebot“ не оправдана „Метафизикой“ Вундта и философіей „Als ob“ Файгингера.

Мы зажили — „прагматически“: приложили понятіе цѣли къ безцѣльно бурлящему чреву.

Парализовано вниманіе къ чистой мысли; и оттого перепуталось все; цѣль со средствами смѣшаны; въ цѣляхъ средства оправданы; въ средствахъ цѣли даны.

Удаленіе мысли отъ цѣлей познанія переживалось сперва романтически, взрывами энтузіазма и праздниками освобожденія якобы „мысли“; въ этихъ праздникахъ превращенія познавательныхъ средствъ въ цѣль науки протекъ весь XVII вѣкъ; и—протекъ XVIII вѣкъ.

Дифференціальное исчисленіе оказалось приложеннымъ... къ пушкѣ: Лейбницъ, Ньютонъ, Декартъ поступили на службу къ „солидному“ Круппу; сорока-восьмифунтовое орудіе прокричало ученымъ:

— „Виватъ“!

И во славу науки оно принялось вдругъ выкидывать „чемоданы“ надъ башнями храмовъ.

30.

Органическій смыслъ моего бытія въ томъ, что „Я"—неизмѣненъ и вѣченъ: sub specie aeternitatis живу; этимъ „species" были въ началѣ пронизаны дѣйствія.

Теперь „species" въ біологіи есть—отборъ: отборъ особей; онъ меня аннулируетъ; „я" есмь „я" лишь постольку, поскольку я исполняю свои дѣтородныя функціи.

„Species" смысла намъ данъ соціологіей; понятія общественныхъ механизмовъ меня аннулируютъ; смыслы „я" въ содѣйствіи механической суммы изъ „я", шествующей до ближайшей канавы,—дойти до канавы (біологически смерть есть канава); мы живемъ для того, чтобъ пробѣгъ до канавы „дѣтей" совершился бы комфортабельнѣй; но пробѣги тысячей поколѣній до ближней канавы (до смерти) свершался уже: всѣ попали въ канаву; всѣ сгнили въ канавѣ; дорога—утоптана; что же?

Въ итогѣ пробѣговъ—дорога въ колдобинахъ: всѣ міазмы болѣзней, всю грязь нищеты и разврата теперь заливаютъ колдобины; колдобины превратились въ траншеи; въ траншеяхъ устроились—жить: обзавелись фортопьяно, литературой, виномъ; можетъ быть, человѣчество, не желая бѣ-

жать до канавы, устраиваетъ себѣ канаву искусственно; и мы у преддверія новой жизни—„к а н а в н о й“ (траншея—канава)?

Посмотримъ.

Колдобины превратились въ траншеи; на ребрахъ поставили пушки; сидятъ и стрѣляютъ сорокавосьмидюймовыми чемоданами, отправляясь отъ Лейбница и Декарта, рекомендованныхъ Круппу почтеннѣйшимъ Вундтомъ.

Дорога испорчена: міровая канава — конечная цѣль!—есть Н и ч т о.

Достаточно быть знакомымъ съ исторіей, чтобы разъ навсегда отказаться отъ смысла, коль смыслъ нашей жизни—канава; и во вторыхъ: нашъ пробѣгъ до канавы не улучшаетъ дорогу, но—портитъ дорогу.

31.

И философія лѣни невольно встаетъ: мы философы лѣни — „канавные“ жители!—разглагольствуемъ съ правомъ теперь:—

— Не побоимся лѣниться! „Служенье музъ не терпитъ суеты!“ Дѣлъ, настоящихъ дѣлъ, у насъ нѣтъ: быть не можетъ; всѣ дѣла—золотой фондъ богатствъ—подмѣнили бумажками мы „п а т р і о т и ч е с к и х ъ“ военныхъ займовъ; богатства страны обернули мы въ залежи динамита и мелинита; а

ихъ выпускаемъ мы въ воздухъ, вѣруя въ основной законъ физики: въ круговращенье энергій; и позабывъ, что законъ этотъ въ мірѣ Гельмгольца и Томсона ограничивается закономъ разсѣянья и ростомъ таинственной „энтропіи", грозящей насъ всѣхъ навсегда обанкротить; мы развѣяли силы, богатства и жизни два года въ космическія пространства вселенной, въ наивности полагая, что изъ пространства осядутъ на насъ „великія и богатыя милости" въ видѣ яствъ, утучненныхъ тельцовъ и согрѣвающихъ тканей.

32.

Если мы будемъ дальше такъ жить, вижу явственно я: лѣнь, апатія, мертвенность—предстоящая намъ девальвація; ибо темпъ—темпъ войны—насъ обрекъ на бездѣлье въ грядущемъ. Тепловую энергію жизни, жаръ жизни, ухлопали мы почтеннѣйшими хлопушками въ видѣ сорокавосьмидюймовыхъ орудій.

Всѣ дѣла „обездѣлились", обезсмыслились; превратились въ обычную дѣловую серіозную суету; суету возвели мы въ квадратъ; суета суетъ—жизнь Европы; по отношенію къ ней не мѣшаетъ намъ погрузиться теперь въ философію „Экклезіаста":

— „Суета суетъ, сказалъ Экклезіастъ, суета суетъ,—все суета! Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ? Родъ проходитъ, и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Восходитъ солнце, и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ. Идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается на круга свои... Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться,— и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ" *).

Лишь когда мы лѣнивы, порой заживаютъ въ насъ истинно безкорыстныя мысли; все прочее— утилитарно; медитація въ условіяхъ нашей суетной жизни приходитъ свѣжительнѣй черезъ лѣнь.

Медитація — лѣнь, возведенная въ принципъ; царство лѣни,—корабль, отплывающій въ страны кипѣній безцѣльности; будемте тише, лѣнивѣй и вспомнимъ пословицу: „Тише ѣдешь, дальше будешь".

Суета суетъ, выростающая изъ „дѣловой", „трезвой" жизни есть мысль, что—„я", такой, какимъ несу себя черезъ жизнь—не мертвецъ, что еще

*) Экклезіастъ: I 2—6, 9.

не все погибло, не всѣ пути мнѣ отрѣзаны къ возрожденію.

Оставимте компромиссы религій и мистикъ; онѣ—наши тати; отъ нихъ содрогаюсь надеждою „я“; но содрогаюсь надеждой не „я“—трупъ во мнѣ; мои черви во мнѣ копошатся (то—нервы мои) и кричатъ:

„Живы мы! Еще есть намъ спасеніе!“

Я—погибъ безвозвратно; погибли мы всѣ; и не будемте гальванизировать наши трупы; моя кожа давно мною сброшена (вмѣстѣ съ природой, откуда я выпалъ); мои обнаженные нервы—суть черви, давно источившіе тушу мою; мое мясо, пронзенное нервами, напоминаетъ одежду, покрытую паразитами: мои нервы кусаются; жизнь ихъ—адская боль для меня.

Изященъ во мнѣ лишь скелетъ; въ немъ—„безсмертіе“ смерти; черезъ безсмертіе смерти душевной пути насъ ведутъ къ возрожденію духа.

33.

Ужасны глаза мои; голубые они—отъ разложившейся крови, фосфорическій блескъ ихъ—продуктъ разложенія; одушевленіе разлагаетъ меня; мои блески въ глазахъ—просто гнилы! А движенье зрачковъ—только черненькія головки двухъ трупныхъ червей—долей мозга—заползшихъ въ

глазницы; когда нибудь эти черви сожрутъ содержимое темныхъ глазницъ; темнолонныя впадины черепа обнаружатся явственно.

Мы—дѣти Каина: наши пути ведутъ къ гибели; да, кто-нибудь, изъ погибнувшихъ и воскреснетъ, быть можетъ; строить мысли о томъ, что воскресну „я“ именно, — значитъ длить агонію: (тридневенъ есмь: и—смердитъ); не хочу агоніей питать въ себѣ стаю червивую „нервовъ“; „темпераментъ“ мой ихъ питаетъ; не убиваемы черви во мнѣ; погибаютъ они лишь отъ голоду; уморить бы мнѣ ихъ моей смертью!

Меньше трепета, одушевленья, надеждъ, блеска глазъ и градацій „интимнѣйшихъ“ жестовъ: побольше суровости; „интимности“—показная личина червя; подлинный interieur есть скелетъ.

Я есмь трупъ. Никакихъ утѣшеній не надо: утѣшеніемъ будетъ мнѣ мысль: утѣшенія нѣтъ— безутѣшенъ. Пока тѣло, сгноенное мною на мнѣ, еще носится мною, утѣшеніе мнѣ—безутѣшность моя.

Безкорыстіе высѣкается лишь могилою.

Я—погибъ безвозвратно.

Вотъ—единственная философія, намъ способная указать пути выхода изъ тупика. Нашей жизни,— „канавы“ „въ которую мы залѣзли, которую рыли“ себѣ столько лѣтъ, вопреки голосамъ, преду-

преждающимъ насъ о близости катастрофы; лучше во-время намъ черпать силы въ суровости, чѣмъ воскликнуть, какъ Іовъ:—

—„Погибни день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказано: зачался человѣкъ. День тотъ да будетъ тьмою... Да омрачитъ его тьма и тѣнь смертная, да обложитъ его туча, да страшатся его, какъ палящаго зноя... Для чего не умеръ я, выходя изъ утробы...? Зачѣмъ приняли меня колѣна? Зачѣмъ было мнѣ сосать сосцы?... Вздохи мои предупреждаютъ хлѣбъ мой, и стоны мои льются, какъ вода, ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ". *)

34.

Въ Базелѣ созрѣвала мысль Ницше. Его любилъ Беклинъ. Здѣсь профессорствовалъ много лѣтъ достойнѣйшій Яковъ Бургхардтъ; и жилъ нѣкогда математикъ Бернулли; дѣйствовали — и Эразмъ, и Гольбейнъ; домъ Эразма сѣрѣетъ досетѣ: средь безлюднѣйшей улицы; временами живали поблизости: Грюневальдъ и Неттесгеймскій Агриппа.

Таково созвѣздіе яркихъ, славныхъ именъ, восходившихъ надъ Базелемъ; оно связано съ возрож-

---

*) Книга Іова. Гл. III.

деніемъ и эпохою великаго Гуманизма; въ это славное прошлое подымается тихій Базель розоватыми и сѣрошершавыми башнями; и сѣрые замки торчатъ здѣсь осколками; они сидятъ на Юрѣ, на лѣсистыхъ отрогахъ Шварцвальда, на гребняхъ Эльзаса.

Многія битвы шумѣли надъ Базелемъ; первое пораженіе рыцарей швейцарскими мужиками произошло здѣсь поблизости; нынѣ надъ грудою череповъ подымаетъ крестъ свой часовня.

Сходятся здѣсь и Шварцвальдъ, и Юра, и Эльзасъ; самъ же Базель въ долинѣ; холмики изборздили ее; съ холмиковъ поднимается онъ; грудами черепитчатыхъ домиковъ, сѣро-розовымъ Мюнстеромъ и ярко-красною Ратушей привстаетъ онъ надъ Рейномъ; веснами лиловѣютъ въ гирляндѣ глациній его сѣробокіе домики; магнолія зацвѣтаетъ въ садахъ; осенями и зимами онъ дымится въ туманахъ; по немъ бѣгаютъ глянцы неизливныхъ дождей; всюду обиліе очень старыхъ, каменныхъ, крашеныхъ, полноводныхъ бассейновъ, поднимаютъ статуи столбики — золотого рыцаря, гражданина въ заломленной шляпѣ, прелатика, или просто дракончика, изрыгающаго струйку чистой воды.

Улички здѣсь горбаты и кривы; тусклые фонари на стѣнахъ; и малоглазые домики нависаютъ—

полосато пестрыми выступами; бѣдно одѣтыя кучечки соберутся подъ выступомъ; неподвижно медлительны люди; они сосутъ трубки; и—провожаютъ васъ взглядами; изъ окошка порой вы увидите—колпакъ старика; и онъ—жуетъ трубку; выпираетъ изъ шеи его [очень часто зобатой] густой, бѣлый войлокъ; непремѣнно покажется вамъ, что оконная рама есть рама портретовъ Гольбейна, которыхъ вы видѣли въ великолѣпной ли базельской галлереѣ, въ книгохранилищѣ ли, гдѣ работать отрадно на старикѣ былъ беретъ; и рисовался на фонѣ онъ изъ голубоватыхъ и блѣднозеленныхъ матерій.

Этого старика вы увидите: въ котелкѣ, въ кососкроенномъ пиджакѣ, съ дымнокудрой сигарой въ рукѣ въ болѣе молодыхъ частяхъ Базеля; онъ покажется жалокъ тамъ.

35.

Непріязненно отбѣгаетъ новый Базель отъ Рейна: грудами невысокихъ, торговыхъ домовъ и кубами возводимыхъ построекъ; хорохорится суетливой гримасой нѣмецкой провинціи его банки, таверны и лавки съ характерными надписями въ родѣ „Тысяча брюкъ“; раздувается въ огромный вокзалъ; и желтѣетъ отъ скуки.

Этотъ Базель напоминаетъ мнѣ толстаго буржуа, буржуа собираются въ „Казино“; поднимаютъ тамъ

горластые дымогары; и тупо тычутъ въ шары билліардными кіями; а улицы—суетятся; людоходъ непрерывенъ; въ говорѣ голосовъ временами прорѣжется—глухой говоръ орудій съ эльзасской границы.

Если бы вдругъ въ толпѣ перепутать носы, глаза, спины, руки и далѣе—самые цвѣта тканей въ безотраднонелѣпыя сочетанія, то получилась бы точная копія базельской уличной жизни, гдѣ всѣ платья повисли, подбородки враждуютъ съ усами, а ритмы рукъ—съ ритмомъ ногъ.

Точно сотрясся тѣлесный составъ человѣка; и оставшійся кавардакъ—базельскій буржуа. Въ немъ типично швейцарское стерто; оно не стало нѣмецкимъ; базелецъ стоитъ одиноко; онъ—мозаика, выцвѣтающая отъ времени; и потому—однотонная.

Однотонность безстроицы—канва впечатлѣній; внѣнаціональное не достигло размаха городскихъ, большихъ центровъ; а мѣстное—стерто; острокрылатаго слова нѣтъ; и скрипучая пересыпь словъ, очень громкихъ, гортанныхъ, будто тренье кремней другъ о друга, перетираетъ въ кафэ всѣ газетныя свѣдѣнія.

Базелецъ не довѣряетъ газетамъ и ходитъ въ концерты на громозвучныхъ пѣвцовъ—басовъ, теноровъ, баритоновъ и „деритоновъ"; любитъ онъ оркестръ барабанщиковъ.

Оркестръ барабанщиковъ—украшеніе Базеля.

Проживя здѣсь такъ долго, дошелъ до того я однажды, что принялъ участье въ оркестрѣ любителей: и—игралъ на второмъ барабанѣ.

36.

Слово базельца напоминаетъ скрипѣнье кремня, а не порханіе бабочекъ: бабочка стрясаетъ пыльцу; изъ кремня летятъ искры: искрами горячаго гуманизма и огромной волей къ добру загорѣлся онъ въ дни войны; странное сочетаніе онъ изъ примитивнѣйшихъ предразсудковъ и очень тонкаго такта.

Въ базельцѣ подчеркнулася не простая обязанность быть корректнымъ со всѣми, а активная воля быть подлинно человѣкомъ; развитіе соціальнаго такта сказалось въ проявленной мягкости—ну хотя бы ко мнѣ. Я тѣмъ болѣе цѣню этотъ тактъ, что населеніе по интересамъ и связямъ естественно тяготѣетъ къ Германіи.

Базельскій обыватель—наполовину въ Германіи; въ нѣскольких километрахъ лишь Баденъ; и на нѣсколько километровъ подальше—Эльзасъ; населеніе у границы смѣшалось, и близость къ Германіи напечаталась на мелочахъ здѣшней жизни: вы здѣсь встрѣтите и пивную изъ Мюнхена, и германскую лавочку, и чиновника въ характерной прусской фуражкѣ.

Въ Базелѣ—нѣмецкая таможня.

Я на-дняхъ постоялъ въ десяти шагахъ отъ Германіи. Я смотрѣлъ на открытую жизнь по ту сторону нѣмецкой границы.

Крутобокія горы пушились набухшими почками; одуванчики зацвѣтали; и оснѣжались долины цвѣтущими вишнями; переговаривались желтосѣрые ландштурмисты; и поглядывали на насъ, держа ружья подъ мышками; по Германіи бѣжалъ поѣздокъ; и тихая вилла глядѣла съ холма...

Съ нетерпѣніемъ подъѣзжалъ я къ границѣ; изъ-за цвѣтовъ и кустовъ побѣжали на „трамъ“ миловидныя, весеннія виллочки; и уже вотъ онъ, вотъ: набѣгающій Базель—съ кубами сѣрожелтыхъ торговыхъ домовъ и съ гортанно-вѣщающимъ людо-ходомъ; Рейнъ и сѣрыя башенки показались и скрылись; вотъ проползъ зарейнскій рабочій кварталъ; показались нѣмецкія лица; показалось обиліе неизбѣжныхъ пивныхъ: зарейнская часть стремительно переходитъ въ границу.

Вотъ—построенный на швейцарской землѣ баденскій, нѣмецкій вокзалъ: широчайшее помѣщеніе въ тяжеловѣсныхъ колоннахъ и глотавшее поѣзда, и плевавшее поѣздами; оборвался токъ товаровъ; съ войною артерія эта перерѣзана здѣсь; запертой вокзалъ пустъ; на огромномъ перронѣ—никчемная кучка: характерные прусскіе картузы съ высоко приподнятымъ краемъ.

Кончился Базель: поле...

Прожелтилось, проголубѣло цвѣтами оно; солнцемъ и травами засмѣялась долина и уткнулася прямо въ горы; это горы—Шварцвальда.

Вотъ—бѣлая деревушка, вотъ—церковь: отчетливы; перебѣжать бы лугъ да на холмикъ! Нельзя это--Баденъ; перебѣжишь—и не вернешься обратно: ты—плѣнникъ.

Остановился „трамъ": мы—выходимъ.

37.

Въ этой окраинѣ все швейцарское смыто; домики, воздухъ, парки, улыбки,—иное все: мелькають эльзасски съ огромными, черными бантами; тѣ зарейнскія горы—Эльзасъ; эти—горы Шварцвальда; Юра—отступаетъ; небольшая долина отдѣляетъ границу отъ пригорода; между тѣмъ, сѣролиловыя, стильныя зданія старыхъ эльзасскихъ домовъ кричатъ инымъ бытомъ, иною, болѣе широкой культурою—несомнѣннымъ вкусомъ.

Вотъ—уличка перерѣзалась на-двое: точно тамъ на мгновеніе опустился шлагъ-баумъ—на мгновеніе перервать людоходъ; и потомъ—приподняться; но деревянная загородка строга.

То—граница.

Здѣсь швейцарскій поселочекъ, Ріэнъ; тамъ—баденскій Лоррахъ, гдѣ производятъ осмотръ при-

текающимъ изъ Швейцаріи ландштурмистамъ; два швейцарскихъ солдата строжайше блистаютъ штыками (они—изъ романской Швейцаріи); на итальянской границѣ—дежурятъ солдаты нѣмецкой Швейцаріи.

Вотъ какая-то кучка, покинувши деревянный нѣмецкій баракъ (гдѣ производятъ осмотръ), хлопотливо бѣжитъ черезъ уличку; и военный, выйдя изъ будки, которая рядомъ съ нами, уже провѣряетъ бумаги; другой—смотритъ на насъ; спутникъ мой къ нему обращается:

— „Странно вѣдь: перейти вотъ вѣдь уличку; и—попались..."

— „?"

— „Мы—русскіе."

Улыбается черноусый солдатъ; и—говоритъ по французски, кивая на ландштурмистовъ.

— „Они—голодаютъ."

Мы поглядываемъ на кучечку нѣмецкихъ солдатъ; тѣ—на насъ; это—преклоннаго возраста люди въ сѣрожелтыхъ мундирахъ; у одного—серебряная голова; онъ согбенный годами.

И—отчего то неловко: отходимъ мы прочь.

38.

День лазуренъ, прохладенъ: на верандѣ тихаго пансіона сидимъ и пьемъ кофе; спутникъ мой,

докторъ гейдельбергскаго университета (онъ—русскій) вспоминаетъ годы студенчества:—

— умеръ вотъ Вандельбандъ; Риккертъ профессорствуетъ теперь въ Гейдельбергѣ; убитъ Ласкъ на войнѣ; у Гуссерля убитъ сынъ...—

— Подъ ногами, внизу, за холмомъ, саженяхъ въ тридцати отъ насъ, на лужайкѣ треплегся маленькій, почти игрушечный флагъ; то—граница; вечеромъ замечтаешься, голову кверху поднимешь (неосыпное небо дрожитъ: переливается звѣздами!); и—мечтатель, въ Германіи ты; тебя подстрѣлятъ навѣрное... Сторожевыя нѣмецкія будки явственны тамъ на склонѣ горы. Тихо рѣетъ военный баллонъ въ нѣжномъ воздухѣ надъ Эльзасомъ; и какая-то дама на него поднимаетъ лорнетикъ.

Въ память врѣзалась мнѣ эта тихая, мирная мѣстность: крутобокія горы пушились набухшими почками; и оснѣжались долины шапками зацвѣтающихъ вишенъ; по Германіи бѣжалъ поѣздокъ (миніатюрный какой-то); ландштурмисты миролюбиво поглядывали; и—высилась тихая вилла съ полного холмика Бадена.

Черезъ нѣсколько дней я узналъ: кровавое происшествіе было здѣсь; не говорили о немъ; прошло оно неизвѣстно: русскіе плѣнные, убѣжавъ, переходили границу; трое были убиты; чет-

вертый — попался. Говорятъ, эта тихая мѣстность кишитъ шпіонажемъ; и, попадая въ глухую деревню, вы видите: подозрительный взглядъ у окна, провожающій васъ.

Грозовая туча войны здѣсь повсюду въѣдается въ воздухъ.

39.

Порою мнѣ кажется: запахнувшись въ свой плащъ, на глаза принадвинувши шляпу, кто-то сядетъ на „трамъ„ у нѣмецкой границы; прикрывая впадины черепа, будетъ бѣгать по Базелю; и затреплетъ дѣтей костяною рукою своею; или—сядетъ въ тавернѣ, — „инкогнито“: надъ газетнымъ листомъ хохотать разорвавшейся челюстью.

Такъ мнѣ кажется.

Есть въ базельской галлереѣ гравюры Гольбейна; серія ихъ называется: „Danse macabre; жизнь королей, поселянъ, духовенства проходитъ въ ней; но скелетъ сопутствуетъ этой жизни; онъ такъ лукаво вплетается и — плутовато подмигиваетъ..

Я гуляю по кривенькимъ улицамъ; и безотчетно мнѣ кажется: тамъ, у сѣраго бока домишки, изъ-за лиловыхъ глицаній—просунется черепъ; и плутовато оскалится на усталую кучку людей, собирающихся у бассейна, гдѣ свои богомольныя руки слагаетъ прелатикъ... на каменномъ столбикѣ.

По горбатенькимъ уличкамъ бѣгаютъ осенними туманы; и — мокрые глянцы; и рыжими пятнами тускловатые фонари освѣщаютъ дома; подъ фонаремъ, запахнувшись въ свой плащъ, плутоватое инкогнито, смерть, приподымаетъ тамъ шляпу.

40.

„Бездники"—русскіе, мы: уплощены люди запада; тѣло запада, роковое—„оно", почіющее въ гробѣ: съ легкихъ словъ Достоевскаго, почти съ легкомысленныхъ словъ:—изъ драгоцѣнной гробницы соборовъ, какъ желтая мумія, по убѣжденію нашему, въ утро сознанія нашего Западъ вперялся,—вѣрнѣе, въ зеленое-раззеленое петербургское утро, въ которомъ мы спали: сознаніе петербуржца цвѣтетъ вѣдь въ полуночи.

Но какъ знать: можетъ быть слушало и „оно" тѣло Запада, какъ съ горизонтовъ сознанія медленно уплотнялась гроза, громыхающая у меня за окошкомъ уже девятнадцатый мѣсяцъ—безъ передышки, безъ умолку?

Непрерывно гремитъ кончикъ фронта; непрерывно гремитъ за нимъ фронтъ; непрерывно гремятъ всѣ четыреста километровъ, быть можетъ.

Мнѣ отчетливо вѣдомо, что все новыя сотни тысячъ людей, точно рожь въ молотилки, ввергаются въ ту же полосу: отгремѣть у орудій; и,

отгремѣвъ, можетъ быть, опочить; отъ машины—къ машинамъ—идутъ себѣ люди; въ гремящую полосу (здѣсь на фабрикахъ много есть иностранцевъ); гремящая полоса—остріе всей культуры; вырвалась изъ руки человѣка—машина: сроились машины; и—бьютъ человѣка: существа непонятныхъ, уродливыхъ, многовиднѣйшихъ формъ—существа грозныхъ демоновъ!—нашли себѣ тѣло; въ желѣзѣ и стали. И обстали дома: безобразными грудами.

41.

Это все приходитъ на умъ при посѣщеніи иныхъ изъ курортовъ Швейцаріи, нынѣ пустующихъ.

Они—мертвые города.

Многорядица другъ на другѣ сидящихъ, другъ друга давящихъ отелей—ужасна; и ужасенъ отель, взятый порознь; безтолковый, огромный, чудовищный, каменный кубъ: городская жизнь—безобразный кубизмъ; да, мы всѣ—провалились въ кубизмъ; направленіе въ живописи не при чемъ: направленіе нашей собственной, мертвой жизни оно отражаетъ удачно.

42.

Въ брошенныхъ городахъ раздается ужасно: кубизмъ нашей жизни, снаружи прикрытый цвѣ-

тами, какъ вотъ этотъ чудовищный кубъ („Palace“ иль „Splendide“—все равно), передъ которымъ для вида разбили пестрѣйшую клумбу и глупо воткнули двѣ пыльныхъ пальмы, чтобы онѣ веселили взоръ пестрой жизнью растительности; все ровно: безобразный кубъ развѣ спрячешь? Изъ него черезъ двѣ пыльныхъ пальмы на васъ претъ оторопь „непокойнаго дома“, пустого, гдѣ еще резонируютъ стѣны—разговорами, думами и поступками обитавшихъ здѣсь фатовъ и модницъ пяти частей свѣта; словъ не слышите вы; и поступковъ не видите; но внимаете жестамъ жизни, здѣсь бившимъ недавно, еще до войны; событія—пролетѣли; а жесты—остались; они ютятся въ обояхъ, въ коврахъ, въ плюшѣ креселъ: и поднимаются пылью теперь; и покрываютъ столбами васъ этой (глазу невидной, душѣ же отчетливой) пыли: и пыль—ужасаетъ.

Непосредственное впечатлѣнье предметовъ носитъ долго печать обладателей; а впечатлѣнье домовъ сохраняетъ печать обитателей; обитатели и посѣтители дома мѣняютъ самое впечатлѣніе стѣнъ; безобразіе самихъ стѣнъ благообразится благообразіемъ жизни; обратно . . .

Вотъ—кафэ, пансіоны, отели, курзалы и клубы: пустые, большіе, тяжелые, каменные; и — сумасшедше-тупые: дико смотритъ безсмыслица оконъ;

торчатъ рои трубъ; безобразно оскаленъ подъѣздъ; стоитъ хохотъ подъѣздовъ.

Пустая дѣйствительность камня предъ вами изобличаетъ пустую дѣйствительность здѣсь отхлынувшей жизни; ея обнаженный костякъ — вотъ, предъ вами: чудовищный каменный кубъ съ... квадратами оконъ; и—двѣ пыльныхъ пальмы.

И эта жизнь есть „Splendide“...

Здѣсь, по каменнымъ троттуарамъ, подъ пекломъ, утирая усиленно потъ, волочились съ цвѣтками въ петлицахъ лѣнивые снобы всѣхъ странъ въ бѣлоснѣжныхъ суконныхъ штанахъ и въ кургузыхъ визиткахъ; здѣсь они флиртовали, отплясывая „танго“ всѣхъ странъ: изо-дня въ день и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; все такъ же, все тѣ же—дамы въ газовыхъ платьяхъ, полуоголенныя, напоминающія стрекозъ, здѣсь стрѣляли глазами въ разслабленныхъ „бѣлоштанниковъ“...

Теперь—все не то.

Пусты — рестораны, курзалы, отели; смѣшной „бѣлоштанникъ“ — ненужный, надутый — протащится, дергаясь, изъ хохочущей пасти подъѣзда—куда-то; онъ не знаетъ—куда: остановился; и—смотритъ онъ, какъ стоитъ полисменъ, какъ протащится трамъ (совершенно пустой), какъ пройдетъ полногрудая дама съ огромнѣйшимъ токомъ на шляпѣ—въ кричаще зеленомъ во всемъ;

изъ подъ сквозной короткой юбченки дрожатъ ея икры; и до ужаса страшенъ ея смѣхотворный нарядъ, заставляющій ждать, что она вдругъ припустится въ танецъ; но глаза ея—грустны и строги; и—какъ бы говорятъ:—„ну за что меня нарядили во все это“...

Ее жалко... до боли...

Можетъ быть: ея мужъ залегаетъ въ траншеяхъ; можетъ быть,—въ эту минуту бросается онъ въ рой гранатъ; глаза—плачутъ; и—тамъ они; а посадка фигуры, походка и „все прочее“ моды заставляетъ несчастную модницу продолжать „danse macabre“ въ каменныхъ троттуарахъ умершаго города.

Дама—въ испугѣ: а „бѣлоштанникъ“—бодрится; и развинченной, дробной походкой бѣжитъ ей навстрѣчу. Вотъ уже онъ въ кафе; и ему, одному, неизмѣнный оркестрикъ венгерцевъ виржитъ что-то скрипками.

Но забвенія—нѣтъ. Намъ поэтъ говоритъ, будто

„Въ безднѣ безцѣльности
„Цѣльность забвенія“

Бальмонтъ.

„Бездна безцѣльности“—сотни и тысячи „бѣлоштанниковъ“, сотни и тысячи стрекозящихъ франтихъ, заполнявшихъ недавно

здѣсь все; эта „бездна“ отхлынула; „цѣльность забвенія“ — марево: дѣйствительность повела насъ отъ стѣнъ этихъ залъ черезъ фронтъ къ поискамъ живой жизни: не этой.

Оттого-то ужасны здѣсь отложенія жизни — теперь, оттого-то ужасны пустые кафэ и отели; многоглазыя чудища расхохотались; и—дразнятъ: подъѣздами. Некому подъѣзжать; но и—не къ чему подъѣзжать.

Прекрасны слова изъ мистеріи Штейнера: „У вратъ посвященія“, живописующія одинъ изъ моментовъ самопознанія человѣка.

И вотъ!... Теперь,—
Воистину въ моихъ глубинахъ трепетъ!...
Вокругъ маячитъ мгла;
Во мнѣ зіяетъ сумракъ,
Взывая мглой міровъ,
Звуча изъ безднъ души:
„О человѣкъ, познай себя!“
(Изъ ручьевъ и изъ скалъ раздается
„О человѣкъ,—познай себя!“)
Меня мѣняетъ сумракъ;
Меня мѣняетъ бѣгъ дневныхъ часовъ.
Въ ночи блуждаю я.
И слѣдую въ мірахъ за орбитой земли.
Въ громахъ—раскатываюсь;
И мерцаю—въ молньяхъ.
Я есмь!.. Погаснувшимъ
Я чувствую въ себѣ себя.

И вижу собственное тѣло,
Какъ существо чужое,—внѣ себя,
И отъ себя далеко...
Познаніе дало мнѣ силы
Перенести себя въ другомъ.

И далѣе:

На изжитую жизнь меня
Ты поворачиваешь снова.
И—какъ мнѣ вновь познать себя?
Ликъ человѣка я утратилъ:
Мнѣ дикій червь мерещится
Въ усладахъ страстныхъ вставшій,—
И ясно ощущаю,
Какъ мглистый образъ морока
Чудовищный мой ликъ.
До времени въ своихъ глубинахъ скрылъ.
Моихъ глубинъ меня поглотятъ бездны...

Моментъ самопознанія человѣка переживаетъ теперь человѣчество въ цѣломъ. Самопознаніе—горестно; то, что таинственно жило подъ кровомъ дневного сознанія въ насъ,—разлилось вокругъ насъ; въ громахъ раскатывается и мерцаетъ въ молньяхъ. Форма же прошлой жизни, это—тѣло культуры, стрясенное грянувшимъ кризисомъ—какъ существо чужое; мы теперь созерцаемъ его таковымъ, какимъ было воистину это тѣло, загримировенное утонченнѣйшей модницей; гримъ отсталъ, смытъ войной; и мы—видимъ (быть можетъ каждый изъ насъ),—

Какъ мглистый облагъ морока
Чудовищный мой ликъ
До времени въ своихъ глубинахъ скрылъ.

Мы должны теперь, обвиняя другихъ, обвинять и себя; и созерцая чудовище браней, грамящихъ повсюду, сказать имъ:

„Да, я—это ты!“

Познаніе дало мнѣ силы
Перенести себя въ другомъ.

Иначе:

Моихъ глубинъ меня поглотатъ бездны.

Рудольфъ Штейнеръ въ „Пути самопознанія человѣка“ великолѣпно рисуетъ то страшное состояніе сознанія, которое подстерегаетъ на грани, насъ двухъ состояній сознанія: „Чувствуешь себя какъ бы окруженнымъ грозою и бурею. Слышишь громъ и видишь молніи. Чувствуешь себя пронизаннымъ силою, о которой дотолѣ ничего не зналъ. Потомъ чудится, что видишь въ стѣнахъ вокругъ трещины. Хочется сказать себѣ самому....: дѣло плохо; молнія ударила въ домъ, она настигаетъ меня; я чувствую себя схваченнымъ ею; она меня уничтожаетъ“*).

Не чувствуетъ ли себя человѣчество нынѣ пронизаннымъ страшною силою? И „дома“ наши намъ не дали ли трещины? Дѣло плохо; молнія въ насъ ударила; уничтожаетъ она.

*) „Путь Самопознанія Человѣка“ стр. 19.

43.

Осенью, во второй годъ войны, я прiѣхалъ въ Монтре; и—бѣжалъ.

Монтре—мертвый городъ.

„Бѣлоштанника" видѣлъ я; онъ напомнилъ мнѣ дикаря, анахорета мертваго города, распѣвающаго печально о прошломъ.

Среди пѣнiя птицъ и ручьевъ я смотрѣлъ себѣ подъ ноги, гдѣ у озера омертвенѣвшимъ пятномъ расползалася безобразная бугорчатка изъ каменныхъ, маленькихъ кубиковъ, какъ растущiй лишай на цвѣтущей природѣ.

Таково Монтре съ горъ.

Изрѣдка я опускался, теряясь въ объятiяхъ зданiй; пересѣкалъ ихъ пустые рои; троттуары, лѣстницы, крыши казались вселенной; а вселенная горъ за Монтре изъ Монтре принимала видъ обыденнѣйшей цвѣтной фотографiи (прикосновенiя къ пошлости, все опошляетъ).

Мнѣ казалося: эти кубы домовъ, безобразно огромныхъ, безстильныхъ, разгромоздились надъ бездной; ихъ удѣлъ—оборваться въ ничто или же: медленно раствориться въ бездонномъ по образу и подобiю облакъ; разсѣяться маревомъ; въ никуда и въ ничто поднималися стѣны домовъ; и ничто глядѣло изъ оконъ; выбивались

ковры; клубы пыли валили съ пустого балкона; съ веранды и глупо, и пусто грустнѣлъ бѣдный снобъ: въ никуда и ничто.

Разъялись иллюзіи будто бы многокрасочной жизни; ея краски—татуировка; и бронзовѣетъ подъ нею дикарское тѣло; и каменѣютъ подъ пестрыми амулетами дамскихъ модъ—тѣла „каменныхъ бабъ"; вспоминаю невольно: еще недавно приняли многіе ницшевскую „blonde Bestia" просто „бестіей"; оказалося: біологическій блондинъ, „blonde Bestia", есть—болванъ: пережитокъ каменнаго періода, неизвѣстно какъ попавшаго въ будущее, намъ оттуда грозитъ: омертвѣніемъ, одичаніемъ жизни.

Праздность жизни—дикарство.

Дикари—декаденты; они—обломки культуръ; неосмысленность утонченія жизни—разъѣдаетъ культуру; и низводитъ къ дикарству; утонченность экзотики, стилизація и искусственный примитивъ—переходныя стадіи отъ культуры къ дикарству; и футуристъ (Парижанинъ, Берлинецъ, Москвичъ—все равно!)—переходъ къ дикарю.

Карфагенскія бритвы въ позднѣйшемъ періодѣ жизни встрѣчаются: у танганайскаго негра; тамъ онѣ—боевые ножи; такъ всегда: футуристическіе манифесты о разгромѣ искусства обернутся дѣйствительностью; томагавокъ „грядущаго хама" грозитъ Джіокондѣ.

Среди насъ, въ городахъ, образуются новыя племена: папуасовъ XX вѣка; въ многообразіи проявленій бѣжитъ папуасъ среди насъ; онъ—„тангистъ"; онъ „апашъ"; футуристъ" есть одно проявленіе;„ бѣлоштанникъ"—другое.

Въ настоящее время съ насъ сдернуты: украшенія амулеты и кольца; лики мертвенной жизни возстали: кричатъ; безобразіе мертвыхъ курортовъ—кричащее проявленье дикарства XX вѣка; пока била въ нихъ жизнь—мы пьянились ея кричащими блесками; но эти блески суть перья и кольца, которыми насъ обманывалъ папуасъ, утверждая, что онъ—европеецъ; и мы—ему вѣрили; и танцовали мы—кэкъ-уокъ, негрскій танецъ; и „кэкъ-уокомъ" пошли мы по жизни; и кэкъ-уоковой" поступью бродитъ доселѣ одинъ—грустный фатъ; въ мертвомъ городѣ: печать „Кэкъ-Уока и „Танго"—отпечатлѣлися на всемъ проявленіи—въ нашей жизни; и она—печать дикаря, котораго якобы цивилизаціей разсосала Европа; не разсосала—всосала: его огромное тѣло въ свое миніатюрное тѣльце. И Полинезія, Африка, Азія протекли въ ея кровь: въ ней вскипѣли; въ ней бродятъ и бредятъ: уродливо-дикой фантазіей, безпутницей плясовой изукрашенной жизни: бытомъ, стилемъ и модами; и даже—манерой держаться.

Европа—мулатка.

Что то дикое есть въ безобразіи стиля домовъ, въ сумасшедшемъ взглядѣ пустыхъ мрачныхъ оконъ отелей, въ глухихъ звукахъ гонга, призывающаго въ часъ обѣда къ огромнымъ столамъ... „Никого".

Мертвый городъ — курортъ — безъ людей напоминаетъ ряды огромнѣйшихъ череповъ, оскаленныхъ подъѣздными ртами; это—смерть; и отъ нея мы должны отрѣшиться: создать городъ жизни— „Градъ Новый": Градъ Солнца.

Если мы не осознаемъ ближайшей задачи своей, то мулатскій обликъ Европы изъ шоколадно-лимоннаго станетъ... бронзово-чернымъ; и изъ легкой личины «утонченной» кэкъ-уоковой жизни вдругъ оскалится морда негра: томагавокъ взмахнется.

Негръ уже среди насъ: будемъ твердо... арійцами.

44.

Говоритъ мнѣ знакомый: «Вы поѣдете на Дуриго?.. Дуриго чудесно поетъ»...

— «Посмотрите: а звѣзды то... звѣзды?

— «Тамъ пролетали на-дняхъ аэропланы.

— «Ахъ, то-то стрѣляли»...

Въ лиловой багряности тѣ же тучи несутся; и— тотъ же Юпитеръ съ Венерой: съ любовію— мудрость. Соединеніе въ небесахъ, а на землѣ— раздѣленіе.

— «Ну и такъ—на Дуриго?»

Но о Дуриго не хочется думать; пусть всѣ ѣдутъ послушать Дуриго. Не поѣду я на Дуриго не надо Дуриго. Всѣ хотятъ поразвлечься. Развлеченіе въ Дорнахѣ рѣдки; буду же развлекаться и я; у меня развлеченіе есть: Александрійскій періодъ культуры, о которомъ я думаю.

45.

Востокъ или западъ?

Вопросъ—„огненный": не потому, что въ немъ слова „востокъ", „западъ", а потому что этими словами мы неожиданно выдали нашу страшную тайну, что все—умерло, провалилось и сгнило въ насъ; такъ что мы уже черпаемъ силу во внѣ (не въ себѣ): на востокѣ, на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и югѣ...; основныя воспріятія нами культуръ, быта, мыслей, космическимъ сдвигомъ выброшены изъ насъ во внѣ: на востокъ и на западъ; въ такомъ случаѣ нашъ вопросъ—подбиранье частей нашего сердца, вырванныхъ изъ груди и раздавленныхъ народами; и сказать: „я—восточникъ" это значитъ сказать, ну—напримѣръ: я безъ носа: у меня онъ былъ, но онъ... Я нашелъ его на востокѣ: великолѣпный носъ, изъ слоновой кости—попробуйте...

Съ постановкою этого рокового вопроса выдается признаніе, что привычки, бытъ, моды, искусства, культуры и мысли суть трупы, которые заражаютъ намъ воздухъ, и которые мы должны бальзамировать во избѣжаніе всеобщаго мора и отнести въ музей—къ муміямъ; наши „востоки" и „запады"—муміи нашего духа; огненно признаніе это; огненна наша боль, что не люди мы, а—западно-восточные трупы; ощущеніе страшнаго громового удара сопровождаетъ нашъ вопросъ—молнію: «востокъ или западъ»?

Обратно.

Вопросъ — «молнія вопросъ» не потому, что интимнѣйшія біенія духа въ насъ мертвы, а потому что біенія этого духа намъ разрываютъ границы пространства и времени, что въ человѣчествѣ вспыхиваетъ пожаръ: пожаръ жизни духа; перегораетъ бывшая черта между «внѣ насъ» и «въ насъ», такъ что все внѣ-лежащее, отложенное и умершее нѣкогда... воскресаетъ; что подобно Тихо де Браге, Копернику, Кеплеру, разорвавшимъ тѣсное небо въ безбрежность, мы рвемъ нынѣ время съ исторіей (его плотью); что когда-то бывшія на западѣ и востокѣ культуры повозставали изъ смерти—и бросились въ душу: быть интимнѣйшей составною частью души и ее разрывать въ мысляхъ, стиляхъ, вкусахъ, стремленіяхъ, чаяньяхъ, что не мы

стали мумiей, а мумiя фараона Рамзеса II къ намъ вышла изъ своего стекляннаго гроба, что исторiя — кончила быть, и что времени—нѣтъ.

Огненно признанiе это; огненна наша тайная радость, что не только воистину воскресъ къ жизни Христосъ, но что и мы въ немъ воскресли.

Но вѣрнѣе всего, что два полюса (жизнь и смерть) одновременно скрестились въ вопросѣ востокъ или западъ? И умерло, разложилось и вывалилось изъ души (на востокъ и на западъ) ея историческое, преемственное представленiе о содержанiи всего: мысли, быта, культуры исторiи, устремленiй и чаянiй отъ какого-то глубиннаго удара души, отъ котораго у современнаго человѣка на-двое была разсѣчена грудь и былъ вырванъ языкъ; вотъ онъ — трупъ; не оттого ли: что такъ обострено сознанiе лежащаго трупа (мiровая война показала, что трупы не умерли), не оттого ли его должны осѣнить и надежды въ его трупномъ лежанiи, что онъ встанетъ и скажетъ:

Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ...
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Пронесется тогда, что—

Открылось! Вѣсть весенняя!.. Ударъ молніе-
носный!..
Разорванный, пылающій, блистающій покровъ!
Въ грядущія, громовыя, блистающія весны,
Какъ въ радуги прозрачныя, спускается...
Христосъ.
И голосъ поднимается изъ огненнаго облака:
„Вотъ тайна благодатная, исполненная дней"!
И огненные голуби изъ огненнаго облака
Раскидываютъ свѣточи, какъ два крыла, надъ ней.

Покровъ—душа наша: огонь духа сожжетъ ее; если въ ней духа нѣтъ, то сожженная, она явитъ намъ трупъ: наше тѣло; если искра духа въ ней есть, то онъ—будетъ свѣтомъ нашей тѣлесной лампады, гдѣ душа—только масло, котораго назначенье: сгорѣть.

Востокъ или западъ? Въ этомъ вопросѣ—первое дыханіе бурь огня, отъ котораго ужъ пылаетъ земля и который сожжетъ въ насъ до тла —все что въ насъ не огонь.

Востокъ или западъ?

46.

Одинаково остръ вопросъ—на востокѣ и западѣ: въ Россіи, въ Китаѣ, въ Европѣ, въ Америкѣ, на Сандвичевыхъ островахъ, у бурятъ...

Кто «м ы»—чукчи, бурята, нѣмцы, русскіе, малороссы, литвины, иль... люди? И кѣмъ должны стать: обитателями провинціи, страны, континента,

или же — обитателями вселенной, участниками космической жизни, равноправными гражданами всѣхъ планетъ и всѣхъ солнцъ?

И говорятъ намъ: «Мы — з а п а д ъ». Но на западѣ; «з а п а д а» нѣтъ. И говорятъ: «М ы — в о с т о к ъ». Гдѣ «востокъ»?

Что „востока" и „запада" нѣтъ, было вѣдомо Гете и очень многимъ до Гете; почему же все-таки:

— „Востокъ или западъ"?

Да потому что все—треснуло: омертвенѣла культура; и—валится; что какой глубинный ростокъ, пробиваясь наружу, рветъ ея умирающія и набухшія части; бывшее центромъ жизни вытолкнуто къ периферіи, во внѣ; и мы ходимъ чреватыми.

Столкновеніе двухъ культуръ, душъ и расъ раскололо намъ душу—о духъ; расколотыя половинки души симметрически закачались и выпали (изъ насъ—во внѣ насъ) „западомъ" и „востокомъ"; и что было не видно доселѣ, стало видно теперь.

Охватить грандіозности кризиса намъ нельзя въ потрясеніи нашемъ; всѣ охваты умѣренны; всѣ „в о с т о к и" и „з а п а д ы" лишь пристойная маска міроваго скандала; произошла огромная непристойность: жизнь треснула; но по правиламъ добраго стараго времени мы стараемся все еще игнорировать трещину, а расколы жизни смягчить: затупить въ антиномію межъ германцемъ и русскимъ,

мужичкомъ и чиновникомъ, славянофиломъ и западникомъ.

47.

Не понимаю я дѣленія на „востокъ“ и на „западъ“: передо мной серія многообразныхъ дѣленій по національностямъ, по идеямъ, по вкусамъ и по періодамъ времени; эти серіи „западовъ“ и „востоковъ“ напоминаютъ матерію цвѣта „шанжанъ“; скажешь: „Вотъ, вотъ — востокъ“ Отойдешь на шагъ, скажешь: „западъ“; отойдешь на четыре шага, и—„востокъ“.

— „Азія была народовержущимъ вулканомъ“—такъ когда-то напыщенно сказалъ съ кафедры одинъ профессоръ исторіи Гоголь-Яновскій. Для извѣстнаго періода—да; вообще—нѣтъ и нѣтъ! Сѣверно-европейское происхожденье „востока“ есть фактъ науки: „народовержущій вулканъ“ передвинутъ: онъ—двигался: съ сѣвера Европы къ востоку и югу; но—опять-таки: какъ попали въ Испанію древнія изображенія ацтековъ? И откуда запали въ архипелагскія древности пернатые краснокожіе? Геологія даетъ право намъ думать объ исчезнувшемъ континентѣ межъ Америкой и Европой, о миѳической Атлантидѣ; въ ней—начало „западовъ“ и „востоковъ“: „народо-вержущій вулканъ“ тутъ, и изъ нея

струя лавы черезъ Европу на Азію—оплодотворяетъ Азію и въ сумеро-акадійской культурѣ слагается въ тотъ „востокъ“ собственно, который не такъ уже древенъ и не вовсе восточенъ: исторія и деликатнѣй, и тоньше провозглашенья о ней профессора исторіи Гоголя въ громовержущей реторикѣ словъ:

— „Азія была...“ и т. д.

Гоголю простителенъ этотъ образъ; но онъ намъ непростителенъ; непростительно дѣленіе въ наши дни на дѣторождающую, безмозглую Азію и на Европу—бездѣтную, но... съ идеями: на „в о с т о к ъ“, и на „з а п а д ъ“.

Такимъ „западомъ“ окажется Гербертъ Спенсеръ для нашего русскаго западника (до и послѣ—„востоки“); и такимъ „востокомъ“ окажется наша Русь, если мы ее сложимъ по образу и подобію стариннаго быта: „изверженіе чадъ“ будетъ въ ней; изверженіе мыслей—не знаю.

48.

Наши „западники“ и „восточники“ населяютъ нашъ умственный міръ несуществующими „западами“ и „востоками“.

Заратустра — востокъ или западъ? Географически онъ востокъ, а, по правдѣ сказать, онъ—конечно же—„западъ“: его связь съ Гераклитомъ

и далѣе съ Гельдерлиномъ, Новалисомъ, Демелемъ, Моргенштерномъ (великолѣпнѣйшимъ современнымъ поэтомъ, недавно скончавшимся), съ Ницше— установима, отчетлива; стоитъ взять въ руки „Гаты“ Ясны,—т.-е. гимны изъ книги, приписанной Заратустрѣ: солнечная гуманная ясность и утвержденіе личности—въ ней; Заратустра—солнечный щитъ, защитившій нѣкогда западъ отъ злого мрака туранства; онъ—„западникъ“; и, конечно, Кантъ учредитель Китая: во всемъ строѣ мысли Шопенгауэръ—„индусъ“, провозглашающій незыблемость истинъ Веданты и обращающій провозглашеніе это въ эпиграфъ системы; но рождаются въ немъ— Ницше, Вагнеръ: и ими пульсируетъ западъ.

Что такое Фрицъ Маутнеръ, Вильгельмъ Вундтъ, Бэнно-Эрдманъ и очень многіе прочіе? Двое первыхъ пригвождаютъ мысль къ корню слова: а корень слова—„нутро“; выводятъ изъ безглагольнаго и чисто восточнаго взвизга къ физіологическому восточному взвизгу „нутра“; солнечность смысла слова и мысли стираются ими. А Бэнно-Эрдманъ, психологъ и логикъ, гласящій, что сужденіе „является собою теченіе словесныхъ представленій, которому не соотвѣтствуетъ никакого значенія“ — онъ „востокъ“ или „западъ“? Утвержденіями этими развѣ не явно оскалился на насъ западный

Сфинксъ эѳіопской своей гримасой; въ утвержденіяхъ этихъ съ запада претъ „востокъ“.

Борьба „западовъ“ и „востоковъ“—борьба химеры съ дракономъ; оба—миѳы, не уплотненные еще никогда и желающіе воплотиться впервые; воплощеніе миѳовъ есть выходъ: изъ замкнутой исторической жизни въ незамкнутость жизни миѳической; и изъ нея—въ дали космоса: на рубежѣ ея, угрожая и застилая намъ путь; передъ нами встаютъ „востокъ“, „западъ“: западный пролетарій духа и Ксерксъ; восточный парій и... духомъ играющій ницшевскій Заратустра мѣняютъ обличія; межъ ними—едва замѣтный проливъ въ океанъ новой эры: тамъ ждетъ насъ Видѣніе Будущаго—не востокъ и не западъ:

„О Русь! Въ предвидѣньѣ высокомъ
Ты мыслью гордой занята:
Какимъ же хочешь быть востокомъ—
Востокомъ Ксеркса иль Христа“?

Вл. Соловьевъ.

49.

Въ ближайшей исторіи запада—гдѣ „западъ“ западниковъ? Разумѣется въ схоластикѣ его нѣтъ: между тѣмъ, она—полузападъ; въ ней—сліяніе аристотелизма (запада) съ александрійской религіозной догматикой, которая есть опять таки: сочетаніе

„западника“ Платона съ востоко-западнымъ гнозисомъ; такъ сліяніе этихъ линій съ выявленной въ христіанствѣ явно западной линіей изъ явно восточной, еврейской — рождаетъ начало; схоластики: что такое схоластика? Ну допустимъ,—„востокъ“, коли западный гуманизмъ поражаетъ главу ея: но и это наслѣдіе запада несомнѣнно зачато— въ „востокѣ“, коли „мистика“ есть востокъ (по увѣренію западниковъ), такъ самъ западный „западъ“, сражающій „полузападъ“ схоластики, превращается въ плодъ несчастнаго брака съ „востокомъ“: незаконнорожденность его—налицо; въ своихъ чадахъ—въ протестантизмѣ, въ наукѣ, во всей исторіи философіи—продолжаются незаконные браки; и передъ нами проходятъ—„китайская“ линія кантіанства, индуссизмъ Шопенгауэра и весь „востокъ“ его линіи (Гартмана, индуссистовъ Дейссена, Чемберлена); эта линія интерферируетъ культурою явно западныхъ миѳовъ — у Вагнера, Родэ, Ницше... Гдѣ — „востокъ“ и гдѣ „западъ“ на западѣ?

Русскій западникъ вынужденъ признаться, что его западъ—Спенсеръ, Контъ, Милль. До нихъ на западѣ лишь „востокъ“; послѣ нихъ—онъ же; но человѣчество Конта— современная маска „Софія“; „непостижимое“ Спенсера—современная конфуціанская маска.

50.

„Запада“ на западѣ—нѣтъ. И точно же: нѣтъ „востока“ въ востокѣ. „Востокъ“ и „Западъ“— треснувшіе каркасы умершей культуры, изъ середины которой мы уже выходимъ въ бореніяхъ нашей совѣсти, въ паденіи великолѣпныхъ соборовъ ея, въ міровой войнѣ, въ міровыхъ безуміяхъ, въ революціи, насъ влекущей къ Голгоѳѣ: завѣса стараго храма разодралась нынѣ на-двое: на „востокъ“ и на „западъ“; за ней—мгла; за ней—возгласъ: „Ламма саввахвани“.

Совершившееся разъ съ Однимъ—да совершится со всѣми: мы примемъ Распятіе и потому-то мы знаемъ навѣрное, что тамъ ждетъ насъ за мглой: и туда, за мглу, отвѣчаемъ, мы на едва слышныя вѣсти оттуда:

—„Воистину...“

51.

Чѣмъ былъ „западъ собственно“?

Возникаетъ онъ медленно отъ 10-го вѣка до нашей эры и возникаетъ особенно отъ 7-го до 5-го. Его родина—Грецiя.

Въ двадцатипяти столѣтіяхъ оплотнѣваетъ онъ архипелагами отчетливыхъ островковъ въ многовидной зыби вліяній, привычекъ, культуръ, стилей, мыслей; оплотнѣваетъ въ индивидуальныхъ созна-

ніяхъ (ни туземныхъ, ни варварскихъ) изъ морей смѣсительствъ „востоковъ": онъ—въ синтезѣ, въ переработкѣ всего матеріала исторіи; въ опредѣленной мѣстности, въ культурѣ, въ наукѣ нѣтъ „запада собственно"; науки, искусства, культуры—его матеріалы.

Въ началѣ явленія „запада" въ Греціи справка и слѣва стояли огромные континенты культуры: и точно маги, съ дарами готовыхъ кристалловъ склонялись въ провалъ сознанія между ними, гдѣ еще бушевали моря и гдѣ еще возникали первыя образованія нашей мысли, т. е. „запада собственно"; въ Индіи ей была готова ужъ форма (философія „Самкіи" слагались); въ Египтѣ—формуемый матеріалъ, т. е. наука, строй жизни, законы и пр.

А—„запада собственно" не было въ кипѣніи финикійскихъ и пеласгическихъ миѳовъ, переливающихся другъ въ друга, всецвѣтныхъ, на черной утробѣ сознанія: здѣсь болѣе поздняя Греція подъ покровами миѳовъ влита въ древнюю, азіатски-арійскую мать: въ ней и бродитъ, и бредитъ, вытарчивая остатками материнскаго тѣла изъ преданія орѳиковъ, пиѳагорейцевъ, мистерій и миѳовъ; здѣсь мы—въ прощупяхъ уже не мысли, а темнаго „восточнаго" бреда, насъ объемлющаго странно-реальной, извѣданной, но позабы-

тою жизнью; въ хаосѣ смѣсительствъ и миѳовъ — плоть „з а п а д а с о б с т в е н н о“; у него нѣтъ своей плоти; зажилъ въ старой плоти онъ, которую ритмизировалъ, конфигурируя ея безсвязныя части и высѣкая на нихъ свои чеканные знаки мысли—архипелажные острова въ неизреченныхъ и нечеканныхъ моряхъ; эти знаки, слитые съ моремъ „востока“, какъ ракушки съ тѣломъ моллюска, впослѣдствіи, въ исторіи новой мысли, отодралися и стали: каркасами мысли.

Финикійская кровь переливается свободно въ субстанцію греческихъ миѳовъ и свободно входитъ въ Египетъ; растворяяся въ (мусикійскомъ) греческомъ пульсѣ, перерабатываясь и изъ него расцвѣтая всѣми видами метаморфозы боговъ: образы т е о к р а с і и намъ являютъ впослѣдствіи метаморфозу: быкоголовый Діонисъ, Протагонъ—Пріапъ, Артемида—Геката и пр.

Всѣ гебридныя формы кровосмѣсительствъ сознанія расцвѣтали ритмично въ пульсаціи сознанія грековъ.

52.

Въ дочеловѣческой, въ космической мысли, медленно разверзая и убивая утробу, рождается человѣкообразная мысль и влечетъ за собой свое прошлое—темный хвостъ... роковое наслѣдство доистори-

ческой мысли—шелестящей ползущей змѣи съ человѣческой, окрыленной главой: это темное прошлое въ насъ—за порогомъ сознанія, обнажаемымъ въ любой день, въ любой часъ въ суетѣ современности.

Мысль грека странная: у нея вмѣсто ногъ — хвостъ змѣи, тянущійся за ней въ миѳъ мистерій и соединяющій ее, какъ пуповина младенца, съ темнымъ матернимъ чревомъ протагоновой, орѳической ночи мистерій и ужасовъ: ужасаетъ она темнотою своею; таковая, хвостатая, мысль еще даже у греческихъ физиковъ (Анаксимандра, Ѳалеса), оплотнѣваетъ она надъ сознаньемъ, какъ мысль собственно, зыблетъ ужасами «запорожное» поле его, отчего при медленномъ погруженіи въ мысли раннихъ философовъ чувствуешь, какъ волосы встаютъ дыбомъ и тѣло пульсируетъ, ощетиниваясь будто безвидными волосинками отъ паническихъ ужасовъ: это есть ползающая змѣя, а не мысль въ нашемъ смыслѣ, которою мы владѣемъ и которою изживаемъ; змѣевидныя мысли грековъ, обвиваясь вкругъ насъ, какъ вкругъ древа, сами мыслятъ себя, изживая насъ, кладя въ насъ свои яйца, изъ которыхъ безъ всякаго нашего вѣдома вылѣзаютъ змѣеныши, и, усыпляя сознанія, точатъ ходы въ мозгу, прорастаютъ извнѣ надъ головою, колеб-

лясь живой шелестящею «кроною» («голова Медузы»—отсюда; отсюда же—«волосы дыбомъ»); такова же мысль Гераклита: ея дѣйствіе въ насъ есть жизнь змѣи въ насъ.

Смыслъ принято нами связывать съ опредѣленною, покорною, нами созданной и намъ послушною мыслью; и потому-то намъ въ архаической мысли грековъ нѣтъ внятнаго смысла: есть иллюзія смысла мысли, то есть, какая-то жалкая и пустая абстракція—кость подъ мускуломъ миѳа; но костякъ и мускулы въ архаической мысли — оживающій организмъ, если мы въ нее входимъ, ее не разламывая: въ немъ сознаніе наше головокружительно расширяется въ образы давнихъ былей—о первозданныхъ громадахъ: о рухнувшихъ космосахъ; все въ ней — прошлое; напоминаетъ, а не внятно учитъ она; взятая нашей мыслью, она—существуетъ, какъ отзвукъ чего-то какъ... память о памяти.

53.

Въ старой мысли намъ ползаетъ змѣеногій титанъ; въ болѣе позднемъ періодѣ укорачиваются змѣиныя части; наконецъ, онѣ — хвостикъ сатира; начиная съ софистовъ, мысль — сатиръ: особенность ея, что оторванная отъ своего огромнаго прошлаго, она весело діалектически скачетъ, упо-

добляясь козлу; и она — сатирична; роль Сократа тутъ представляется намъ въ парадоксальнѣйшемъ образѣ: онъ гоняется за роями этихъ мысленныхъ сатировъ, накидываетъ имъ на шеи арканъ, полоняетъ, дисциплинируетъ и выпускаетъ ихъ на софистовъ; у Платона они смиренно склонились передъ невѣдомымъ Богомъ, у Аристотеля маршируютъ отрядами силлогизмовъ; пропадаетъ ихъ рѣзвая дикость; по отбыванію строевой, логической службы, этихъ сатировъ видимъ мы уже въ образѣ мирныхъ ремесленниковъ, изготовляющихъ всевозможныя издѣлія техники и становящихся разсудочными, методическими понятіями наукъ; въ XIX вѣкѣ перемѣнилось обличіе „сатирической“ мысли; хвостикъ спрятанъ подъ фалдами фрака; и смѣнились копытца ботинками; золотыя очки—на носу; и на груди — даже-даже! — порою: приватъ-доцентскій значокъ; такъ слагалась намъ мысль, то есть, собственно западъ.

До... мысли не было: были—змѣи..

Эпоха рожденія чистой мысли совпадаетъ съ эпохою рожденія чистаго идеала искусствъ: мы видимъ Фидія.

Мы видимъ суровое великолѣпіе трагедіи (пятый вѣкъ), повѣствующей: старыя громады утрачены; съ сознанія человѣческаго хвостъ змѣи сброшенъ; пороги логической мысли его съ мыс-

ли срѣзали: онъ поползъ теперь ракомъ; происходившее отъ 1000—500 года внутри людского сознанія (героическій періодъ)—произошло окончательно: миѳологическая душевная брань уже оплотнѣла исторіей (персидскія и наступающія пелопонезскія войны); трагедія—могла быть: повѣствованіемъ о Геркулесѣ, младенцѣ и змѣяхъ, вползающихъ въ его колыбель; но вотъ змѣи задушены внутри насъ, стали мыслями, выброшены на поверхность жизни мрачнѣющимъ историческимъ рокомъ; появленіе „востока“ и „рока“ — тогда: появленіе Перса съ востока, какъ врага жизни Греціи; и появленіе его же — уже внутри самой Греціи подъ личиною братоубійственной брани: наступающей пелопонезской войны; все это громы исторіи: но громы уже послѣ молніи совершившейся катастрофы стараго міра; молнія была; и когда Персъ появился, катастрофа была уже въ прошломъ; и — очищалось созданіе: змѣеногое прошлое грека уже было отрѣзано; миѳъ въ исторію воплотился; пересталъ быть опасенъ; душа справилась съ миѳомъ: у колоссальнаго Перса ноги были изъ глины.

Трагедія могла быть очищенной; мысль, сложившаяся въ отчетливое единство въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля, справилась со своимъ „востокомъ“—самопроизвольно зажившей

змѣею; покореніе „з а п а д а“ и „в о с т о к а“ Александромъ Великимъ — ударъ меча грека по глинянымъ ногамъ рока и разрывъ историческихъ перспективъ въ судьбу сверхъ-историческую: разрывъ самой Греціи, какъ исторически самобытнаго тѣла, въ оплодотворяющее начало „з а п а д н о-в о с т о ч н ы х ъ“ культуръ.

54.

Центръ событій, слагавшій блистательную исторію Греціи, остается сокрытымъ; воочію никто не видѣлъ его; не воплощается онъ въ образъ: мысли, героя, событія; но духовною бурей проносится по кущѣ душъ и отрясаетъ плоды: падаютъ въ день исторіи индивидуальности, событія, мысли: раздается гомеровскій эпосъ; отражаютъ персовъ; потрясаются Софокломъ и Фидіемъ; и волнуются событіями пелопонезской войны, падаютъ плоды древа: въ исторію отрясается Греція; и з м ѣ и пиѳійскихъ разсѣлинъ теперь—кастальскія струи; у нихъ жала вырваны.

До э т о г о: мысль—кончикъ прощупи, расширяемой въ конусъ огромнаго, утробнаго міра; переломился онъ, перевернулся и протянулся подъ ясное небо, развиваяся въ форму чаши; и платонова форма—кристальная чаша: Грааль.

Куда чаша протянута?

Въ Александрію, къ Филону, къ Плотину, къ автору Евангелія отъ Іоанна: логика протянута къ... Логосу: вырванная изъ царства тьмы, мысль охвачена свѣтомъ; она протянута изъ исторіи: одинъ мигъ она—надъ исторіей даже, рисуя всѣмъ грядущимъ культурамъ свои грядущія судьбы, не достигнутыя и понынѣ: пресуществленіе самаго центра логической жизни—въ плоть жизни и явленія логики, какъ реальной страны иныхъ жизненныхъ формъ; въ этомъ мигѣ исторіи жизни греческой мысли самая линія всей исторической жизни загибается въ кругъ вокругъ единаго мига; ея конецъ есть начало, и Вѣчность—центръ; между Филономъ, Платономъ и Гермесомъ съ ихъ „Логосами" стоитъ живой Логосъ.

Здѣсь уже нѣтъ ни „востока", ни „запада", а—ритмы пульсовъ, гдѣ арсисъ есть темный фонъ ея слѣпительныхъ видимостей, и гдѣ тезисъ — явленіе слова мысли, какъ... жизни воистину; пульсація ритма бѣжитъ по всей мысли отъ Ѳалеса до современности, точно память о памяти самой миссіи мысли.

55.

Мысль въ сложеніи — подсознательна, физіологична миѳологія — физіологія крѣпнущей мысли;

физіологическая гигіена греческой мысли—въ мистеріи; здѣсь, въ мистеріи—организація, ритмизація, ростъ крѣпнущихъ мыслей — миѳовъ вплоть до стадіи возведенія ихъ къ философемѣ Платона и къ логикѣ Аристотеля; впервые оторвана мысль отъ своего матерняго организма (мистерій и миѳовъ); за Аристотелемъ и Платономъ мысль Греціи вянетъ — до перваго вѣка, гдѣ она возрождается; изъ-подъ тумановъ эклектики въ соединеніи съ восточной культурой являетъ она намъ контуры Филоновой философіи; контурыпредваряетъ туманъ; туманъ—до; туманъ — послѣ; многоразличіе опереній, эклектика, „герметизмъ", „орфизмъ", „апокалипсисы" превращаютъ строгіе контуры мысли Платона въ какіе-то павлиньи хвосты: что въ нихъ ясно—посредственно; что огромно—туманно.

56.

„Евангеліе отъ Іоанна" соединяетъ крѣпнущую христіанскую мысль съ традиціей эллинизма; въ „Пастырѣ Народовъ" Гермеса--соединенье Египта съ Элладой и христіанствомъ; въ теософической философемѣ Филона перекрещены произведенія эти;—образуютъ три точки, между которыми складывается треугольникъ культуръ (іудейско-египетско-эллинской); треугольникъ предполагаетъ и

центръ; но—центръ отсутствуетъ: соединяющей и разработанной философемы, подобной платоновой, не находимъ; и передъ нами проходятъ рои легендарныхъ фигуръ (напримѣръ, Аполлоній Тіанскій), отуманенныхъ въ гнозисѣ, въ миѳахъ, въ преданіяхъ и засыпанныхъ обломками какихъ-то рухнувшихъ храмовъ мысли (эклектика).

Оставаясь на почвѣ мысли, невольно воскликнешь тутъ: „Гдѣ же не данное въ исторіи построеніе мысли, опредѣляющее многообразіе ея бьющихъ жестовъ? Въ чемъ единство многоразличій и какъ разобраться въ нихъ?"

Будь единство системы — александрійскій періодъ второго вѣка былъ бы періодомъ глубочайшаго творчества мысли; безъ него—синкретиченъ онъ, пустъ. Пустота сочетается съ глубиной: пустота—налицо; глубина — потаенна.

57.

Третій вѣкъ...

Справа и слѣва отъ нѣкаго искомаго центра— двѣ линіи мысли: безвозвратно расходятся на протяженіи четвертаго и пятаго вѣка.

Представители одной линіи суть: Плотинъ, Аммоній Саккосъ, Порфирій, Плутархъ, Ямблихъ, Проклъ, Олимпіодоръ и другіе; представители другой линіи: Отцы Церкви; но у истока той линіи

стоятъ христіанскіе богословы, очень близкіе къ мысли Эллады и ей очень кровные, какъ, напримѣръ, Оригенъ, Тертулліанъ, Іеронимъ, образующіе — лѣстницу постепеннаго отдаленія отъ платониковъ и перебарывающіе въ себѣ естественное къ нимъ тяготѣніе; платоники падаютъ въ магію; заостреніе въ теологію и паденіе въ магію отрѣзываетъ линіи эти отъ ихъ вяжущихъ центровъ перваго и второго столѣтія; въ Проклѣ, въ Ямблихѣ упадаетъ Плотинъ: въ Августинѣ философскій отборъ теологіи отчеканился догмою; и стоитъ неподвижно она отъ пятаго до девятаго вѣка; шестой вѣкъ поэтому характеризуетъ уже не мыслитель; выразитель его есть— поэтъ: Дамаскинъ.

Это стояніе мысли не можетъ пройти безнаказанно: мысль, ссыхаясь, разламываетъ теологію христіанства — на „востокъ“ и на „западъ“. Подъ ударами бьющихъ Европу арабовъ, въ героическомъ воздухѣ IX вѣка начинается ея ренессансъ; эпоха схоластики передъ нами.

58.

Начинается трояко она: провозглашеніе папы орудіемъ Св. Духа антропологизируетъ (хотя и фальшиво) теократію мысли; возрожденіе логики теологіи Скоттомъ Эригеной закладываетъ фунда-

менты возрожденія логики собственно и всѣхъ будущихъ споровъ номинализма и реализма: всю философію (вплоть до нашего времени) разрѣзаетъ тотъ споръ на двѣ линіи; чрезъ Абеляра, Оккама и далѣе: перекидывается къ Декарту; и — импульсируетъ Ньютона; тянется черезъ Локка, Юма и Канта къ теоріи знанія нашихъ дней; а другая линія чрезъ Альберта Великаго, Ѳому Аквината, Раймонда и прочихъ—вливается въ мысль Джордано Бруно; живетъ въ метафизикѣ, поднимаетъ голову въ наши дни; и возрождается даже въ своей специфической формѣ уже послѣ Канта—Росмини.

Третья линія этого времени —ордена, возрождающіе теософическій праксисъ и отъ этого невольно вводящіе въ свое лоно отвергнутый мистико-оккультическій гнозисъ подъ многовиднѣйшей формою.

Всѣ три линіи перекрещены въ лонѣ церкви; центръ скрещенія намъ данъ не въ единствѣ системы, а въ движущемъ пульсѣ, выгоняющемъ цѣльность романскаго стиля, процвѣтшаго позднѣй... готикой, въ живописи неизвѣстныхъ намъ мастеровъ; катится онъ въ XIV вѣкъ черезъ Джіотто и Данте; имъ построены: великолѣпіе фигуръ, вродѣ Луллія (философа, трубадура, поэта, пророка и мученика) основателя серіи универси-

тетовъ и системы наукъ, котораго чуть-ли не возводятъ въ святого, чтобы потомъ сжигать его книги; и заложено: возрожденіе лирики, литературы, романа, легенды, легенды легендъ, намъ являющей самый образъ **единства** культурнаго періода въ видѣ чаши Грааля и рыцарей вокругъ Чаши.

Передъ нами стоитъ Персеваль: перекликается съ нашимъ временемъ; наше время ему отвѣчаетъ; и мистеріей Вагнера соглашается оно съ нимъ.

59.

Въ это время (съ конца XIII столѣтія) европейская, христіански окрѣпшая мысль, культура и творчество покидаютъ свои полуживые каркасы; *каркасы сжимаются, сохнутъ: въ инквизиціи, іезуитизмѣ*, въ чудовищномъ „Style Jésuite“ обезображены, стерты, убиты: искусство, мысль, знанія. Будь Джордано Бруно въ XII вѣкѣ, его бы не тронули; оффиціальный XVI вѣкъ — его ведетъ на костеръ.

Отъ XIII до XIX столѣтія процессъ распаденія **цѣльности мысли** уже протекаетъ внѣ церкви; въ англійскомъ механицизмѣ, въ энциклопедіи французскихъ мыслителей и въ метафизикѣ нѣмцевъ расколото единство культуры абстракціи, технически утончая мысли, ихъ и множатъ и сушатъ;

въ XIX вѣкѣ процессъ разложенья закончѣнъ технологія логики умерщвляетъ намъ систему наукъ; позитвизмъ подмѣняетъ единство системы безкровнѣйшей фикціей; метафизика получаетъ смертельный ударъ въ школѣ Канта; методологія, логика и система наукъ — три каркаса остановившейся мысли: за ними за всѣми—ихъ всѣ покрывающій куполъ: теологическій догматизмъ; двадцать пять столѣтій мы строили мысль; и храмъ ея конченъ.

— Онъ—пустъ?

60.

Изъ-подъ формъ каменѣющей мысли бьютъ намъ новыя струи ея. Плюрализмъ истинъ мысли въ методикѣ полагаетъ единство ея не въ абстракціи, но въ единствѣ строющимъ ритмомъ; въ діалектической метаморфозѣ понятій, воспринятыхъ жестами, въ наростающемъ вѣчнодвижимомъ смыслѣ, въ непрерывной текучести истинъ, въ конкретизаціи истинъ: мысль собственно есть душа понятійныхъ смысловъ; абстракціи—тѣло ихъ; въ „Метаморфозѣ растеній“ у Гете, въ „Теоріи свѣта“ его еще робкіе слѣды жизни грядущаго стиля мысли; и схема стиля—у Гегеля; еще она—неживая. Въ чаемомъ пересѣченіи Гете съ Гегелемъ—организмъ новой мысли, гдѣ понятія, обра-

зы и системы суть бьющіе органы: ритмы единаго существа; Незнакомки, глядящей на насъ изъ-подъ тысячей масокъ-формъ.

Кто она?

Цѣльное существо, Человѣчество, поставлено Контомъ въ центръ его системы наукъ; не абстракція человѣчества, и не сумма людей, а ихъ вяжущее единство: представленіе о подобномъ единствѣ возвращаетъ намъ по новому гнозисъ.

Наконецъ: убіеніе логикой метафизики заставляетъ новыхъ философовъ возвести эту „логику" въ сущность: и брать ее въ Логосѣ, не абстрактномъ, разсудочномъ принципѣ, а въ Живомъ Организмѣ; „Человѣчество" Конта есть въ сущности организмъ жизни мысли; и справедливо поэтому Соловьевъ называетъ такой организмъ — Душой Міра, Софіей.

Незнакомка, глядящая изъ-подъ тысячей мысленныхъ формъ, разгадана; ея будущій ликъ къ намъ снисходитъ; она есть Софія.

Къ ней обращается Соловьевъ:

„Знайте же! Вѣчная Женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ".

Это—Новая мысль. Жизнь и мысль въ прежнемъ смыслѣ—Единство съ Ней.

61.

Единство Мысли—двояко: въ грядущемъ и въ прошломъ.

Механической градаціей методовъ, формъ системъ—стоитъ храмъ ея въ прошломъ: но мы—внѣ порога его; изъ него вышли мы: онъ—отвергнутый нами каркасъ: внѣ его—буря образовъ; внѣ его—мгла фантастики хлещетъ въ насъ бурей; и претъ въ насъ „востоками". Мимо стараго храма мысли и мимо бури фантазіи мы должны итти въ будущее; этотъ старый храмъ и эта буря—колонны болѣе огромнаго храма мысли, возстающаго намъ навстрѣчу изъ будущаго: въ по-новому сліяніе всѣхъ теченій: въ немъ по-новому видимъ мы возстаніе системы системъ; методологія логики въ ней становится діалектикой; діалектика методовъ—эвритміей, эстетикой, а эстетическій принципъ ритма—мимика живого Лица философіи собственно, о которой сказалъ еще Данте:

— „Самая любовь посылаетъ ей этотъ смѣхъ. Нѣтъ лжи въ томъ, что вѣщаютъ намъ ея очи"...

Философія, ждущая насъ съ своимъ новымъ завѣтомъ; философія въ человѣкѣ—Софія.

И о ней сказалъ Соловьевъ:

„Въ свѣтѣ немеркнущемъ новой богини
Небо слилося съ пучиною водъ"...

Небо прежнихъ формъ мысли одна колонна огромнаго ея храма; а пучина фантазіи есть другая колонна; и за ними—сліяніе ихъ: т.-е. внутренность храма; она—с л о в о, составленное изъ многообразія буквъ, гдѣ знакъ, буква, эмблема, система есть одинъ только жестъ переливчатой жестикуляціи ея цѣльнаго образа, гдѣ мозаика тысячевидныхъ системъ начинаетъ играть живой цѣльностью, гдѣ исторія философіи лишь абстрактная б і о г р а ф і я Одной Живой Жизни, разсказанная кое-какъ и предшествующая Появленію образа этой Жизни.

Въ Ней, лишь въ Ней соединеніе образовъ нашей жизни съ кристаллами нашихъ мыслей; въ Ней по новому соединимся. Мы всѣ; въ Ней войдемъ мы впервые во внутренность внѣшняго ея обиталища, Храма Мысли, огромнаго и пустого—вчера; и живого—въ грядущемъ. Нынѣ мы у преддверія: справа и слѣва колонны: в о с т о к ъ (образъ) и з а п а д ъ (абстракція); внутри—образъ Мысли: востоко-западъ, Софія, Премудрость зажигаетъ намъ звѣздные свѣточи изъ-за мрака: въ этомъ звѣздномъ вѣнцѣ приближается Она—къ намъ.

„Знайте же! Вѣчная Женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетленномъ на землю идетъ“...

62.

Кончился „з а п а д ъ с о б с т в е н н о“; отра-

ботана закруглена исторически лежащая мысль, способная развиваться въ деталяхъ... тысячелѣтія даже; но въ основномъ она—„стала“: нѣтъ ея —въ единственномъ смыслѣ: конкретномъ, активномъ; намъ она отшлифована; ею намъ отшлифована жизнь по машинному ряду; мысль вылѣпилась изъ насъ и впаялась въ машину; у современной машины есть мысль, и она грозитъ... встать изъ смерти; въ головѣ же нашей нѣтъ мысли, и она снимаема съ насъ стеклянной логической каскою; наше сознаніе безголово и изъ пустой головы оно ширится въ космосъ; по-новому входитъ космосъ, не черезъ хвостъ, а въ разбитое темя стеклянной, логической формы; двадцать пять вѣковъ живой мысли медленно вылагались каркасомъ; и вотъ: нами снимаемъ каркасъ какъ былъ нѣкогда снятъ хвостъ змѣи съ человѣчьяго тѣла мысли; сознаніе соединяетъ по-новому двѣ пережитыхъ эпохи: миѳологическую и научную; соединеніе миѳа и мысли—вотъ что мы ощутили.

Въ катастрофическій періодъ рожденія мысленной формы (теперь ставшей каркасомъ) грекъ чувствовалъ въ себѣ смерть древней змѣи; мы же чувствуемъ болѣе: смерть земли и одновременно ветшающей формы мысли, вросшей въ землю и съѣвшей въ землѣ—землю; безземляная земля съ оземлянѣвшею мыслью въ ней есть машина, ко-

торую мы одною рукой держимъ, а стоимъ уже не на землѣ... Гдѣ?.. Въ тверди? Почва нами утеряна: мы стоимъ не на землѣ, а на тѣни, приподымая всю землю, какъ нѣкогда Чашу Платона—надъ головою, въ грядущее: да наполнится духомъ она! А изъ-подъ ногъ встаетъ тѣнь „востока“ и „рока“—Персъ: громыхаетъ намъ міровою войною, омертвенѣлыми частями сознанія, жизни, быта, исторіи и народами бьетъ онъ въ насъ: наступило „драконово“ время. Перенесемъ его.

63.

Переносимъ мы и гремящую тишину, проживая межъ двухъ деревушекъ—между Арлесгеймомъ и Дорнахомъ...

Надъ Арлесгеймомъ и Дорнахомъ девятнадцатый мѣсяцъ подъяты два купола величаваго зданія; распростерлось оно—тамъ, съ холма: озираетъ окрестность; купола отливаютъ оттѣнкомъ прозрачнаго камня, перевезеннаго изъ далекой Норвегіи; онъ отражаетъ цвѣтъ неба.

Въ ясномъ отблескѣ зорь, въ мутномъ дымѣ тумановъ перемѣняется цвѣтъ куполовъ; перемѣняется онъ—утромъ, ночью и днемъ; то онъ дымный, свинцовый, суровый; а то—бирюзовый; то—матово-розовый.

Здѣсь, подъ куполомъ, волей судьбы я работалъ рядъ мѣсяцевъ, вооружившись стамеской, подъ руководствомъ молоденькихъ барышенъ, вырѣзающихъ странныя, невѣроятныя формы изъ твердаго американскаго дуба; великолѣпно пахучее дерево, когда рѣжешь его; слой за слоемъ слетаетъ: отчетливѣй выявляется плоскость.

Художники, музыканты, писатели, мистики, инженеры, скульпторы—изъ Мюнхена, Амстердама, Парижа, Норвегіи, Польши, Россіи и Англіи подали передъ грозною бойней народовъ здѣсь братскую руку другъ другу; здѣсь по почину извѣстнаго антропософа-писателя Рудольфа Штейнера, возникала попытка: заложить первый камень къ осуществленію въ будущемъ новой духовной культуры искусствъ; знали ли мы, собираясь сюда, что катастрофа ужъ близится? и война упадетъ на плечи? Если бы знали, то, вѣроятно, не съѣхались бы.

Многіе разбѣжались отсюда: огромныя чисто моральныя тяжести придавили насъ здѣсь, въ часъ войны, не говоря ужъ о внѣшнихъ. Но и огромная высѣклась радость: въ моментъ раздѣленія народовъ не раздѣлиться, не бросить любимаго дѣла, но утверждать человѣчность по новому въ безчеловѣческій мигъ: мигъ войны.

Непрерывно гремитъ кончикъ фронта; непрерывно гремитъ за нимъ фронтъ; непрерывно гре-

мять всѣ четыреста километровъ, быть можетъ; гремитъ много фронтовъ; гремитъ на востокѣ Россія.

Мнѣ отчетливо вѣдомо, что все новыя сотни тысячъ людей, точно рожь въ молотилки, повергнется съ громомъ ревущую полосу; вѣроятно, повергнусь и я; я уѣду отсюда; пока же я здѣсь,— буду я утверждать человѣчность—по новому: въ безчеловѣческій мигъ.

Андрей Бѣлый.

Дорнахъ. 1916 годъ.

СОЧИНЕНІЯ АНДРЕЯ БѢЛАГО.

„Сѣверная симфонія“ (*1-я героическая*). Кн-во „Скорпіонъ“. Москва. 1904 г. (*Распродано*).

„Симфонія“. (2-я драматическая) Кн-во „Скорпіонъ“. Москва. 1902 г. (*Распродано*).

„Возвратъ“. (3-я симфонія). Кн-во „Грифъ“. Москва. 1905 г. (*Распродано*).

„Кубокъ метелей“. (4-я симфонія). Кн-во „Скорпіонъ“. Москва. 1908 г. (*Распродано*).

„Золото въ лазури“. Первый сборникъ стиховъ. Кн-во „Скорпіонъ“. Москва. 1904 г. (*Распродано*).

„Пепелъ“. Второй сборникъ стиховъ. Кн-во „Шиповникъ“. СПБ. 1908 г. (*Распродано*).

„Урна“. Третій сборникъ стиховъ. Кн-во „Грифъ“. Москва. 1909 г. (*Распродано*).

„Символизмъ“. Сборникъ статей. Кн-во „Мусагетъ“. Москва. 1910 г. (*Распродано*).

„Арабески“. Сборникъ статей. Кн-во „Мусагетъ“. Москва. 1911 г. (*Распродано*).

„Лугъ зеленый“. Сборникъ статей. Кн-во „Альціона“. Москва. 1910 г. (*Распродано*).

„Трагедія творчества“. (О Толстомъ и Достоевскомъ). Кн-во „Мусагетъ“. Москва. 1912 г. (*Распродано*).

„Рудольфъ Штейнеръ и Гете въ міровоззрѣніи современности“. Изслѣдованіе. Кн-во „Духовное Знаніе“. Москва. 1916 г. (*Распродано*).

„Серебряный голубь“. Романъ. Кн-во „Скорпіонъ“. Москва. 1910 г. (*Распродано*).

"Петербургъ". Романъ. Москва. 1916 г. (*Распродано*).

„Революція и культура". Статья. Кн-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. Москва. 1917 г.

„На перевалѣ".

1. Кризисъ жизни. Кн-во „Алконостъ". СПБ. 1918 г.
2. Кризисъ мысли. (*Печатается*).
3. Кризисъ культуры. (*Готовится*).
4. Кризисъ слова. (*Готовится*).

„Глоссолалія". Сборникъ статей, посвященныхъ проблемамъ ритма и словесной инструментовки. (*Готово къ печати*)

„Путевыя замѣтки". Дневникъ путешествія. (Сицилія, Тунисія, Египетъ). (*Готово къ печати*).

„Котикъ Летаевъ". Симфоническая повѣсть о дѣтствѣ. (1-я часть романа „Моя жизнь") (*Готово къ печати*).

„Дневникъ чудака". Романъ. Хроника современной души. (*Готовится*).

„Человѣкъ". Повѣсть. (Хроника XXV вѣка) (*Готовится*).

„Триптихъ". (Три поэмы) (*Готовится*).

„Собраніе сочиненій Андрея Бѣлого" .Кн-во Пашуканиса. Москва.

Вышли т. IV (двѣ симфоніи: 1-я и 2-я).
„ „ VII (половина романа) „Серебряный голубь".

„Молніи искусства". (Итальянскія впечатлѣнія). (*Готовится*).

АЛЕКСѢЙ КИРИЛЛОВЪ.

„Записки Всеволода Николаевича". (*Печатается*).

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

„Пѣсни смутнаго времени". (*Готовится*).
